

Юридическое образование и наука

№ 9 / 2020

ISSN 1813-1190

9 771813 119777 >

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

№ 9
2020

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Госкомпечати. Рег. ПИ № ФС77-29362 от 23 августа 2007 г.

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Комаров И.М., Махтаев М.Ш.,
Джуманбетова А.А., Крюкова Е.С.
Магистерские программы кафедры
криминалистики Юридического факультета
МГУ: состояние и перспективы развития
(к 70-летию создания кафедры) 3

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА ТЕОРИИ ПРАВА

Авдеева О.А., Авдеев В.А. Доктринально-
правовые основы юридической
ответственности и актуальные вопросы
реализации на правоприменительном
уровне 9
Славова Н.А. Юридическая деонтология
в правовой культуре и юридической
практике юристов 15

ДИСКУССИОННАЯ АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ТРИБУНА

Кучин О.С. Предпосылки зарождения
науки криминалистики в древнем мире 23

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б.
Российское законодательство о чрезвычайных
экологических ситуациях: изменение
парадигмы 39

Перевод аннотаций 45

Требования к авторам журнала «Юридическое
образование и наука» по оформлению
научных статей 48

ISSUES OF LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

Komarov I.M., Makhtaev M.Sh.,
Dzhumanbetova A.A., Kryukova E.S.
Master Programs of the Department of
Criminalistics of the Law Faculty of the MSU:
The Status and Development Prospects
(on the 70th Anniversary of the Department
Establishment) 3

LAW THEORY DISCUSSION TRIBUNE

Avdeeva O.A., Avdeev V.A. Doctrinal
and Legal Bases of the Legal Liability
and Relevant Issues of Implementation
on the Law Enforcement Level 9
Slavova N.A. Legal Deontology in the Legal
Culture and the Legal Practice of Lawyers 15

ANTI-CRIME DISCUSSION TRIBUNE

Kuchin O.S. Prerequisites for the
Origination of the Forensic Science
in the Ancient World 23

LEGAL RESEARCH DISCUSSION TRIBUNE

Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B.
Russian Laws on Environmental Emergencies:
A Paradigm Change 39

Translation of annotations 45

Requirements for the authors of the Legal
Education and Science journal for formatting
of scientific articles 48

Плата с авторов за публикацию
статей не взимается.

Центр редакционной подписки:
Тел./факс: (495) 617-18-88.

Адрес редакции / издателя:
115035, Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55,
стр. 7.

Тел./факс: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая
группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Физ. печ. л. 6,0.
Усл. печ. л. 6,0.
Общий тираж 2000 экз.

Полная или частичная
перепечатка материалов
без письменного разрешения
редакции преследуется по закону.

Подписка по России:
Объединенный каталог
«Пресса России» — 91852.
ISSN 1813-1190

Подписано в печать 13.08.2020.
Номер вышел в свет 20.08.2020.

Authors shall not pay for publication
of their articles.

Editorial Subscription Centre:
Tel./fax: (495) 617-18-88.

Address publishers / editors:
Bldg. 7, 26/55,
Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

Tel./fax: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Printed by National Polygraphic
Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya,
Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Size 60x90/8. Offset printing.
Printer's sheet 6,0.
Conventional printing sheet 6,0.
Circulation 2000 copies.

Complete or partial reproduction
of materials without written permission of
the editorial office shall be prosecuted in
accordance with law.

Subscription in Russia:
Unified Catalogue. Russian Press —
91852.

ISSN 1813-1190

Signed for printing 13.08.2020.
Issue was published 20.08.2020.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

№ 9
2020

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.
Зарегистрировано в Госкомпечати. Рег. ПИ № ФС77-29362 от 23 августа 2007 г.

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Редакционный совет:

Баранов В.М., доктор юридических наук, профессор,
Белов С.А., кандидат юридических наук, доцент,
Блажеев В.В., кандидат юридических наук, профессор,
Бублик В.А., доктор юридических наук, профессор,
Голиченков А.К., член-корреспондент РАО, доктор
юридических наук, профессор,
Перевалов В.Д., доктор юридических наук, профессор,
Калиниченко И.А., кандидат педагогических наук,
профессор,
Капустин А.Я., доктор юридических наук, профессор,
Кропачев Н.М., доктор юридических наук, профессор,
Курилов В.И., доктор юридических наук, профессор,
Лаптев В.В., доктор педагогических наук, кандидат
физико-математических наук, академик РАО, профессор,
Писарева С.А., доктор педагогических наук,
член-корреспондент РАО, профессор,
Суровов С.Б., доктор социологических наук, профессор,
Тряпицына А.П., доктор педагогических наук, профессор,
Шевелева Н.А., доктор юридических наук, профессор,
Шишко И.В., доктор юридических наук, профессор

Главные редакторы журнала:

Антонян Е.А., доктор юридических наук, профессор,
Цареградская Ю.К., доктор юридических наук, доцент

Почетный научный редактор журнала:

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала:

Шенгелия Г.А., кандидат юридических наук

Рецензенты журнала:

Антонян Е.А., Баранов В.М., Барков А.В., Дикарев И.С.,
Дробышевский С.А., Ильин А.В., Кабанова И.Е.,
Лаптев В.В., Мацкевич И.М., Нарутто С.В., Петров М.П.,
Писарева С.А., Россинский С.Б., Салыгин Е.Н.,
Смирнов Д.А., Субботин В.Н., Тряпицына А.П.,
Цареградская Ю.К., Шевелева Н.А., Шенгелия Г.А.,
Шишко И.В., Шугрина Е.С., Щепельков В.Ф.

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В., член-корреспондент РАО, заслуженный
юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

Заместители главного редактора

ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н., Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Журнал рекомендуется Высшей аттестационной
комиссией при Министерстве науки и высшего
образования Российской Федерации для публикаций
основных результатов диссертаций на соискание ученых
степеней кандидата и доктора наук.

Founder: Jurist Publishing Group

Editorial Board:

Baranov V.M., LL.D., professor,
Belov S.A., PhD (Law), associate professor,
Blazheev V.V., PhD (Law), professor,
Bublik V.A., LL.D., professor,
Golichenkov A.K., corresponding member of the RAE,
LL.D., professor,
Perevalov V.D., LL.D., professor,
Kalinichenko I.A., PhD in Pedagogy, professor,
Kapustin A.Ya., LL.D., professor,
Kropachev N.M., LL.D., professor,
Kurilov V.I., LL.D., professor,
LapteV V.V., Doctor of Pedagogy, PhD in Physico-
Mathematical Sciences, RAE Academician, professor,
Pisareva S.A., Doctor of Pedagogy, corresponding member
of the RAE, professor,
Surovov S.B., Doctor of Sociology, professor,
Sheveleva N.A., LL.D., professor,
Shishko I.V., LL.D., professor,
Tryapitsyna A.P., Doctor of Pedagogy, professor

Editors in Chief:

Antonyan E.A., LL.D., professor,
Tsaregradskaya Yu.K., LL.D., associate professor

Honorary Scientific Editor of the Journal:

Matskevich I.M., LL.D., professor

Executive Editor of the Journal:

Shengelia G.A., PhD in Law

Reviewers of the Journal:

Antonyan E.A., Baranov V.M., Barkov A.V., Dikarev I.S.,
Drobyshevsky S.A., Ilyin A.V., Kabanova I.E.,
LapteV V.V., Matskevich I.M., Narutto S.V., Petrov M.P.,
Pisareva S.A., Rossinskiy S.B., Salygin E.N., Smirnov D.A.,
Subbotin V.N., Tryapitsyna A.P., Tsaregradskaya Yu.K.,
Sheveleva N.A., Shengelia G.A., Shishko I.V.,
Shugrina E.S., Shchepelkov V.F.

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., corresponding member of the RAE, Honored
Lawyer of the RF, LL.D., professor

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Recommended by the Higher Attestation
Commission under the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of doctoral
and PhD theses.

Магистерские программы кафедры криминалистики Юридического факультета МГУ: состояние и перспективы развития (к 70-летию создания кафедры)

Комаров Игорь Михайлович,
заведующий кафедрой криминалистики Юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор
mgu.ikomarov@mail.ru

Махтаев Махтай Шапиевич,
профессор кафедры криминалистики Юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук
mahtaev@mail.ru

Джуманбетова Алтынай Алиевна,
доцент кафедры криминалистики Юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук
altinay@bk.ru

Крюкова Евгения Сергеевна,
ассистент кафедры криминалистики Юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
zkrukova@mail.ru

Целью работы является обобщение и рассмотрение особенностей организации учебного процесса и преподавания дисциплин в рамках магистерских программ кафедры криминалистики Юридического факультета МГУ. **Методология** — диалектика, сравнение, анализ, метод системного исследования. **Выводы.** В статье обоснована необходимость дальнейшего совершенствования магистерских программ подготовки юристов. Проанализирована организация такого обучения кафедрой криминалистики Юридического факультета МГУ. Отмечены уникальные разработки и направления дальнейшей работы и совершенствования организации практикоориентированного обучения. **Научная и практическая значимость.** Опыт кафедры криминалистики может быть использован в других вузах России для организации учебного процесса второй ступени образования, подготовки востребованных и высококвалифицированных юристов.

Ключевые слова: криминалистика, МГУ, магистратура, юридическое образование.

Кафедра криминалистики Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова как самостоятельное структурное подразделение факультета была образована 13 сентября 1950 году и в этом году отмечает свой 70-летний юбилей. В настоящее время кафедра криминалистики — это динамично развивающееся подразделение Юридического факультета МГУ, в кадровый состав которого входят 7 профессоров, 5 доцентов, 2 ассистента, 3 лаборанта. В структуру кафедры криминалистики входит также учебная криминалистическая лаборатория и Криминалистический центр фа-

культета. С 2019 года заведующим кафедрой криминалистики Юридического факультета МГУ является доктор юридических наук, профессор Игорь Михайлович Комаров, развивающий университетскую криминалистическую школу в традициях Московского университета и в соответствии с последними значимыми задачами образования и науки. Приоритетными направлениями научно-исследовательской деятельности последних лет являются междисциплинарные и межкафедральные исследования, объединяющие знания представителей разных направлений наук, сочетание фундаментальных подходов, прикладных

технологий и эффективного использования эмпирического материала с активным взаимодействием ученых МГУ с учеными других вузов, широкими международными контактами, совмещением научных исследований с подготовкой высококвалифицированных кадров. Приоритетными направлениями работы кафедры криминалистики являются «Криминалистика в правоприменении» и «Криминалистическое сопровождение и защита бизнеса», в соответствии с которыми в 2017 году были созданы две программы подготовки магистров, которые на сегодняшний день окончили около 30 человек. Настоящая статья построена в виде интервью с руководителями магистерских программ — доктором юридических наук, профессором кафедры криминалистики Юридического факультета МГУ М.Ш. Махтаевым (программа «Криминалистическое сопровождение и защита бизнеса»), кандидатом юридических наук, доцентом кафедры криминалистики Юридического факультета МГУ А.А. Джуманбетовой (программа «Криминалистика в правоприменении»), а также доктором юридических наук, профессором, заведующим кафедрой криминалистики Юридического факультета МГУ И.М. Комаровым о состоянии и перспективах магистратуры Юрфака МГУ.

— Игорь Михайлович, с Вашей точки зрения, кто заинтересован в получении магистерского университетского образования?

— Двухступенчатая система юробразования подразумевает, что на втором этапе студенты смогут выбрать узкую специализацию и получить более глубокие знания в нужной сфере. Конечно, основной состав обучающихся в магистратуре — это юристы, получившие образование уровня бакалавриата в МГУ или других вузах. Вместе с тем криминалистика — это то направление юриспруденции, где могут быть реализованы междисциплинарные направления, например, экономика, медицина, психология и проч.

— На кафедре сейчас активно работают две программы магистерской подготовки, какими обстоятельствами был обусловлен выбор направлений?

— В первую очередь мы руководствовались спросом работодателей и востребованностью направлений на рынке юридических услуг. Потребность в юристах, специализирующихся в правоприменении и защите бизнеса, с каждым годом растет. Сегодня практически каждая крупная отечественная фирма собирает информацию о сво-

их конкурентах, партнерах и контрагентах и одновременно сама является объектом пристального изучения со стороны частных спецслужб. Если компания специализируется на высокотехнологических исследованиях или оборонном производстве, она может стать также объектом внимания и иностранной разведки. Для обеспечения своей защиты и защиты активов своего предприятия (корпорации) необходимо не только использовать традиционные меры безопасности, но и создать надежную разведывательную и контрразведывательную службы внутри корпорации, действующие с опорой на новейшие достижения науки и техники, в том числе и криминалистики. Очевидно, что для того чтобы преуспеть в противоборстве внешним и внутренним угрозам, необходимо знать, против кого и против чего действовать в конкретных условиях и какими средствами обеспечивать это противодействие. Научить основам такого противодействия, применяя специальные криминалистические приемы, средства и методы, призвана наша магистерская программа «Криминалистическое сопровождение и защита бизнеса». Вторая программа связана с правоприменением, где криминалистика используется для разрешения спорных ситуаций между сторонами, установления наличия или отсутствия юридически значимых фактов, обеспечения ненадлежащего исполнения обязанностей и осуществления прав, определения меры ответственности за совершенные правонарушения и проч.

— Игорь Михайлович, какие возможности предоставляет Московский университет своим студентам?

— Московский университет — это высокопрофессиональный коллектив, включающий известнейших ученых и педагогов, представляющих ведущие правовые научно-педагогические школы страны. Кроме того, иногда для чтения отдельных курсов привлекаются другие известные российские и иностранные ученые и практики, в том числе специализирующиеся в сфере криминалистики, уголовного процесса, медицины, психологии, бизнеса, аудита, антимонопольного регулирования, комплаенса и проч. Кафедра криминалистики с 2013 года располагается в отдельном учебном корпусе Юридического факультета МГУ с современными учебными аудиториями с компьютерами и проекторами. У нас своя большая библиотека криминалистической литературы в бумажном и электронном форматах, все необходимые кри-

миналистические средства и оборудование для учебы. Кроме того, в МГУ есть Фундаментальная библиотека и Библиотечно-информационный центр юридической литературы, конференц-зал, музей с экспозицией по истории криминалистики, столовые и кафе, помещения для научно-исследовательской и общественной работы студенческих организаций, местами отдыха для студентов и преподавателей, единый «академический городок» с другими факультетами университета и проч.

Не стоит забывать, что Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова в целом и кафедра криминалистики в частности получили признание со стороны профессионального юридического сообщества: Свидетельство № 1 об общественной аккредитации от Ассоциации юристов России (2011 г.), Свидетельство об аккредитации от Ассоциации юридического образования, премия «Фемида» (в номинации «Alma matter», 2004 г.) и др. Факультет неизменно занимает высшие строки в наиболее престижных общенациональных рейтингах, оценивающих качество юридического образования (1 место в Национальном рейтинге университетов; 1 место в Зарплатном рейтинге юридических вузов; 1 место в рейтинге по числу партнеров юридических фирм, окончивших данное образовательное учреждение; 1 место в рейтинге вузов по количеству нанятых выпускников и проч.). Все это только помогает нашим выпускникам. Кроме того, студенты кафедры имеют возможность пройти включенное обучение и стажировки в иностранных вузах. Например, в 2019 году наши магистранты принимали участие в совместном выездном заседании научно-образовательных центров в Нидерландах и Италии, прошли учебу в университете г. Регенсбурга (Германия).

— Как сегодня преподается дисциплина «Криминалистика» на Юридическом факультете МГУ?

— Преподавание строится в соответствии с образовательным стандартом по специальности «юриспруденция», в разработке которого коллектив кафедры принимал непосредственное участие. Криминалистика преподается в течение года для всех студентов 3–4 курса, независимо от их специализации. Студенты осваивают предмет уже после теории государства и права, уголовного права и процесса. Подготовка специалистов обеспечена классическими университетскими учебниками, практикумами, учебными пособиями и

монографиями. Почти каждое занятие сопровождается практической работой с криминалистической техникой, овладением тактическими приемами проведения следственных действий и проч. Занятия на всех трех уровнях образования проводятся на базе кафедры криминалистики, а также в лабораториях научно-методического Криминалистического центра, оснащенных современным криминалистическим оборудованием и методическим обеспечением (база уголовных дел, комплект учебных фильмов и проч.). Также занятия проводятся с использованием возможностей мультимедийного оборудования Юридического факультета МГУ, инновационных и интерактивных методов, дистанционных образовательных технологий (Zoom, Skype и проч.).

— Махтай Шапиевич, в чем уникальность магистерской программы «Криминалистическое сопровождение и защита бизнеса»?

— Магистерская программа включает изучение широкого круга вопросов обеспечения безопасности бизнеса, что при осуществлении предпринимательской деятельности является жизненно важным условием нормальной работы любого хозяйствующего субъекта вне зависимости от формы его собственности. Зачастую предприниматель, деятельность возглавляемой им фирмы, имущество его фирмы подвергаются опасности со стороны как традиционной (обычной), так и особенно активизировавшейся в современных условиях организованной преступности. Очевидно, что для того чтобы преуспеть в противоборстве внешним и внутренним угрозам, в том числе в рамках информационной сферы, необходимо знать, против кого и против чего действовать в конкретных условиях и какими средствами обеспечивать это противодействие. Научить основам такого противодействия, применяя специальные криминалистические приемы, средства и методы, призвана разработанная кафедрой магистерская программа¹.

Наша магистерская программа «Криминалистическое сопровождение и защита бизнеса» по версии сайта «Pravo.ru» в июне 2019 года вошла в число десяти перспективных юридических программ России².

¹ См.: Махтаев М.Ш. К вопросу о том, в каком направлении должна развиваться наука криминалистика // Юридическая наука. 2018. № 2. С. 180–192.

² См.: 10 перспективных юридических магистратур // Право.ру, 26.06.2019. URL: <https://pravo.ru/story/211674/> (дата обращения: 17.06.2020).

— **Алтынай Алиевна, расскажите о магистерской программе «Криминалистика в правоприменении»?**

— Программа обеспечивает углубленное изучение особенностей использования криминалистических знаний и навыков в юридической деятельности, включая прежде всего деятельность по раскрытию, расследованию, предупреждению преступлений, судебную деятельность по уголовным делам. Помимо этого, магистерская программа включает актуальные аспекты практического использования криминалистических знаний и навыков при рассмотрении дел в гражданском, административном и арбитражном процессах, в нотариальной деятельности, работе корпоративных юристов и в консалтинговой практике. Главное внимание уделено оснащению магистрантов теоретическими и практическими знаниями, позволяющими получать доказательственную и иную значимую в правоприменении информацию, использовать криминалистические способы и средства собирания и оценки доказательств, владеть тактическими приемами ее использования, включая приемы психологического воздействия на участников следственных и судебных действий и иных лиц. Особенностью программы является изучение современных криминалистических технологий и возможностей криминалистических и иных экспертиз, применимых в разнообразных сферах юридической деятельности.

— **Какие специалисты обеспечивают реализацию программ?**

— Авторские курсы читают ведущие профессора и преподаватели Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, которые являются разработчиками соответствующей темы и признанными лидерами сферы: доктора наук И.М. Комаров, Н.Н. Егоров, М.Ш. Махтаев, О.С. Кучин, Е.Е. Центров, Н.П. Яблоков; кандидаты наук А.А. Джуманбетова, А.В. Ткачев, А.И. Сотов, М.Е. Игнатъев, М.А. Лушечкина. Мы стремимся использовать не только внутренние ресурсы, но и привлекать преподавателей других вузов и успешно практикующих специалистов. Для проведения занятий привлекаются сотрудники Главного управления криминалистики Следственного комитета России, Российского федерального центра судебных экспертиз при Министерстве юстиции РФ, Федеральной антимонопольной службы, судьи Верховного Суда РФ, а также представители крупных российских компаний, международных консалтинговых фирм.

К примеру, курс «Методика выявления, расследования и предупреждения картельных сговоров» ведет начальник Управления по борьбе с картелями ФАС России, к.ю.н. А.П. Тенишев.

— **Как в целом выглядит учебный план магистерской программы? Какие курсы составят содержательную часть обеих программ?**

— Продолжительность обучения в магистратуре составляет два года. Программы рассчитаны на четыре семестра и включают в себя общенаучный и профессиональные циклы, набор обязательных дисциплин и дисциплин по выбору. В первом цикле студенты изучают иностранный язык, проблемы теории государства и права, философию и социологию права и другие общенаучные дисциплины. В обязательной части специального профессионального блока программы «Криминалистическое сопровождение и защита бизнеса», например, «Общие положения криминалистического обеспечения безопасности бизнеса», «Криминалистическое обеспечение выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений коррупционной направленности», «Криминалистические средства и методы противодействия рейдерским захватам», «Методика выявления, расследования и предупреждения картельных сговоров», «Тактика взаимодействия бизнес-структур с правоохранительными и контролирующими органами», «Технико-криминалистические средства защиты информации», «Криминалистическое обеспечение безопасности документооборота». Среди дисциплин по выбору: «Криминалистическое обеспечение деловой разведки», «Криминалистическое обеспечение проведения внутренних расследований», «Тактика ведения переговоров с контрагентом», «Криминалистическое обеспечение комплаенс-контроля», «Криминалистическое обеспечение организации компьютерной безопасности бизнес-структур», «Зарубежный опыт защиты бизнеса от неправомерных действий» и др.

Вторая кафедральная магистерская программа соответствует требованиям правоприменительной практики, важное место тут занимают следующие дисциплины: «Криминалистический анализ: установление и доказывание юридических фактов», «Криминалистическое исследование документов», «Современные виды и методы экспертиз», «Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации», «Основы криминалистической тактики в правоприменении», «Криминалистические

методы предупреждения деликтов». Среди факультативных предметов можно назвать «Методы выявления фальсификации судебных доказательств», «Специальные знания в правоприменении», «Психолого-криминалистические приемы в юридической деятельности», «Реализация результатов оперативно-розыскной деятельности», «Основы методики проведения служебных и экономических расследований». Часть предметов представлена на иностранном языке (английском).

Как видно, обучение в рамках магистерских программ кафедры значительно отличается от классического курса криминалистики, обеспечивая его применение в широком спектре юридической деятельности. Это абсолютно новый образовательный продукт.

— Игорь Михайлович, есть ли в магистратуре какие-то практические занятия?

— В магистратуре все занятия практикоориентированные. На кафедре создан основанный на современной правоприменительной практике фонд копий наиболее интересных и показательных экспертных заключений по всем видам экспертиз, имеющихся в материалах уголовных и гражданских дел, хранящихся в архивах судов, а также образцов вещественных доказательств в области судебно-почерковедческих экспертиз, технико-криминалистического исследования документов, экспертного исследования электронных носителей информации и компьютерной техники, судебно-трасологических экспертиз. Во время учебы магистранты знакомятся с лучшими практиками юридических фирм и юридических отделов крупных компаний, посещают мастер-классы ведущих фирм, проходят практику. Кроме того, на занятиях широко используется современная криминалистическая техника, приобретенная по Программе развития МГУ до 2020 года (например, прибор ESDA для распознавания вдавленных текстов в спорных документах).

— Что еще ждет студентов магистратуры?

— Созданы все условия для проявления студенческой инициативы, творческого и интеллектуального развития каждого. Магистранты имеют возможность развиваться в научном направлении, например, в рамках научного студенческого кружка, где можно апробировать результаты своих исследований, подискутировать с коллегами и опытными практиками. Студенты под руководством опытных преподавателей занимаются науч-

но-исследовательской работой, публикуют свои статьи, выступают на конференциях и круглых столах. Уже с первого года обучения ведется работа над магистерской диссертацией.

Кроме того, желающие магистранты привлекаются к преподаванию курса «Основы криминалистики» в рамках факультетского проекта «Школа права» для школьников 8–10 классов. Кафедрой заложены основы реализации программы стратегического сотрудничества с общеобразовательными школами г. Москвы и научно-познавательным центром «Заповедное посольство» ГАУ культуры города Москвы «Парк „Зарядье“», где для школьников проводятся мастер-классы по различным темам, связанным с криминалистикой.

На Юридическом факультете МГУ действует Студенческая бесплатная юридическая консультация, Объединение выпускников, Центр карьеры, содействующий трудоустройству студентов и выпускников факультета и оказывающий информационно-консультативную поддержку в построении успешной карьеры и профессионального роста юриста-криминалиста.

— Где работают выпускники магистратуры? Могли бы Вы описать типичного представителя магистратуры?

— Выпускники кафедры способны к выполнению профессиональных функций в любых органах законодательной, исполнительной и судебной власти России, в том числе в правоохранительных органах, коммерческих бизнес-структурах, а также к научно-исследовательской работе в области уголовно-правовых наук. Например, магистры 2017 года А. Репкина — юрист в британской компании «Ernst & Young» (входит в «большую четверку» аудиторских компаний), К. Подвойский — адвокат практики уголовного права и процесса в Адвокатском бюро г. Москвы «ИНФРАЛЕКС» и наш аспирант; магистр 2018 года М. Шаршова работает в администрации факультета; среди магистров 2019 года Л. Азнабаева трудится в ОАО «РЖД», А. Уколова — в агентстве недвижимости, А. Швецова — в экспертно-правовом центре, Д. Эльгарова — в компании, которая занимается защитой товарных знаков; из выпуска 2020 года К. Кузьмина — младший юрист в департаменте налогового и правового консультирования в «Делойт Консалтинг» (также входит в «большую четверку»), А. Дзюба — сотрудник Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Некоторые магистранты успешно совмещают работу и учебу, например, работают в Следственном

управлении на транспорте Следственного комитета РФ, адвокатских бюро и коллегиях, отделах информационной безопасности и форензики компаний.

— Что дает криминалистика современному юристу?

— Знание криминалистики важно не только для решения практических задач уголовного судопроизводства. Действия по собиранию, поиску, оценке и использованию юридически значимой информации имеют значение для любого направления юридической деятельности (нотариат, адвокатура, медиация и проч.). Она выступает важным структурным элементом высшего юридического образования. Криминалистика прежде всего содействует формированию у студентов самостоятельного аналитического мышления, умению анализировать ситуацию в контексте и ее детали отдельно, получению важной информации от собеседников и оппонентов, принятию взвешенных решений с учетом сложившейся ситуации, развитию наблюдательности и проч. Практика показывает, что юристы, умело использующие необходимые криминалистические знания в своей работе, значительно быстрее добиваются необходимых результатов. Например, знание тактики допроса позволяет установить психологический контакт с собеседником, грамотно построить беседу, получить нужные ответы на свои вопросы, распознать заведомо невыполнимые обещания, выяснить истинные намерения другой стороны.

— Каков потенциал у магистерских программ и в целом кафедры криминалистики МГУ?

— Перспективное развитие кафедры, связанное с интеграцией юридического образования и практики (проведение лекций, семинаров, практических занятий, повышения квалификации), строится на основе сотрудничества с прак-

тическими органами (Следственным комитетом РФ, ЭКЦ МВД РФ, Российским федеральным центром судебной экспертизы при Минюсте России, Национальной ассоциацией комплаенс, ГБУ «Московский исследовательский центр», ООО «Финансовые и бухгалтерские консультанты» и проч.) в соответствии с заключенными Университетом и факультетом соглашениями о сотрудничестве. Мы планируем увеличить количество организаций — партнеров кафедры, усилить взаимодействие с Федеральной палатой адвокатов, Федеральной нотариальной палатой и разными крупными компаниями.

Также на кафедре имеется резерв спецкурсов, связанных с использованием криминалистических знаний и технологий в работе с юридически значимой информацией в отраслях юридической деятельности. Периодически мы будем обновлять курсы и отражать основной спрос работодателей.

Перспективно для нас направление «цифровой» криминалистики, где планируется разработка технико-криминалистических средств проведения следственных действий с участием цифровой информации и технологий, использования искусственного интеллекта, Интернета, использование электронных документов в качестве доказательств в процессуальных отношениях и проч.

В рамках взаимодействия со Следственным комитетом РФ на кафедре разработана и подготовлена к реализации (для обучения магистрантов целевого набора) магистерская программа «Следственная деятельность» (руководители А.И. Бастрыкин и И.М. Комаров), а в сотрудничестве с Национальной ассоциацией комплаенс разрабатывается магистерская программа по криминалистическому обеспечению системы противодействия коррупции в компании (антикоррупционный комплаенс), которые будут запущены в ближайшее время.

Литература

1. Махтаев М.Ш. К вопросу о том, в каком направлении должна развиваться наука криминалистика / М.Ш. Махтаев // Юридическая наука. 2018. № 2. С. 180–192.

References

1. Makhtaev M.Sh. K voprosu o tom, v kakom napravlenii dolzhna razvivatsya nauka kriminalistika [On the Development Area of Criminalistics] / M.Sh. Makhtaev // Yuridicheskaya nauka — Legal Science. 2018. № 2. S. 180–192.

Доктринально-правовые основы юридической ответственности и актуальные вопросы реализации на правоприменительном уровне

Авдеева Ольга Анатольевна,

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации,

доктор юридических наук, доцент

Avdeeva_O_A@mail.ru

Авдеев Вадим Авдеевич,

профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса

Югорского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

vadim.avdeevich@mail.ru

Цель. Раскрыть актуальные направления исследования концептуальных положений, связанных с реализацией юридической ответственности, в контексте современных проблем правоприменительной деятельности, обусловленных совершенствованием законодательной регламентации публичной и частно-правовой деликтоспособности с учетом отраслевого подхода к оценке критериев и оснований субъективных прав и юридических обязанностей. **Методология** исследования основана на общенаучных, частно-научных и специальных методах научного познания, включая диалектический, логический, системно-структурный, формально-юридический, сравнительно-правовой и иные методы познания. **Выводы.** Недостаточная разработанность институтов юридической ответственности в теоретико-правовой доктрине в части установления точных критериев соотношения отраслевой, материальной и процессуальной, частной и публично-правовой деликтоспособности является одним из оснований недостаточной эффективности законодательной техники. Сравнительно-правовой анализ регламентации деликтоспособности в российском и зарубежном законодательстве свидетельствует о правовом плюрализме в определении возраста, вменяемости и иных условий и оснований привлечения виновного лица к юридической ответственности, что закономерно снижает качество предупредительной деятельности на транснациональном уровне. **Научная и практическая значимость.** Проведенный сравнительно-правовой анализ доктринально-правовых и правоприменительных аспектов реализации юридической ответственности раскрывает актуальные вопросы, требующие разрешения на современном этапе правового регулирования с учетом влияния глобализационных процессов на изменение правового статуса субъектов международных, межгосударственных и внутригосударственных правоотношений.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правовая политика, правовое воздействие, правосубъектность, деликтоспособность, вменяемость.

В современных условиях развития правовой государственности и оптимизации правовой политики РФ в сфере обеспечения правового воздействия, развития правовой культуры и нейтрализации факторов, детерминирующих правовую нигилизм, наметились качественно новые подходы на доктринальном, правотворческом и правоприменительном уровнях к оценке сущности и содержания юридической ответственности, содействующей реализации принципов равенства, законности, справедливости как основополагающих принципов правового регулирования. В этой связи одним из дискуссионных среди ученых и практиков вопросов является определение оснований наступления юридической ответственности. При рассмотрении сущностных критериев негативной юридической ответственности пристальное внимание с учетом соотношения таких институтов, как правоповедение, пра-

вопользование, правотребование и правоприязнание, уделяется раскрытию признаков публичной и частно-правовой деликтоспособности. Активно в научных кругах ввиду выделения новых видов юридической ответственности обсуждается проблема разграничения критериев и оснований классификации отраслевой юридической ответственности.

Стоит отметить, что в процессе развития правовой доктрины оформились два подхода к содержанию юридической ответственности, согласно которым разграничению подлежит позитивная и негативная (ретроспективная концепция) ответственность¹. Оформление позитивистского подхода к юридической ответственности сформировалось в рамках перспективной концепции, на основании которой можно выделить два направ-

¹ Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1959. С. 12.

ления. Во-первых, существенную роль играет превентивное направление, выполняющее функцию опосредованного воздействия, предусматривающего корректировку поведения индивидов с учетом правовых предписаний, закрепленных в норме правового акта, содержащего в качестве структурного элемента санкцию, указывающую на возможность наступления в случае констатации диспозиции нормы как юридического факта негативных либо позитивных последствий. В данном случае наличие в санкции правовой нормы указания на обязательное неотвратимое наступление негативных для лица последствий ориентирует его на правомерное поведение и осуществление законопослушной деятельности. Во-вторых, позитивная юридическая ответственность предполагает непосредственное правовое воздействие государства в отношении лица, ставшего субъектом правоотношений, регулируемых поощрительной нормой права. Специфика института позитивной юридической ответственности состоит в возможности самостоятельного инициирования участником правовых отношений социально полезного, одобряемого и поощряемого государством поведения.

Ретроспективная концепция юридической ответственности базируется на правовой оценке государством юридического факта, связанного с наступлением в отношении лица, совершившего правонарушение, негативных правовых последствий. В процессе реализации негативной юридической ответственности государство воздействует на общественные отношения, охраняемые правом, путем метода принуждения, обязывая виновное лицо, нарушившее правовой запрет, компенсировать вред, причиненный потерпевшему лицу, и ущерб, нанесенный действующему правопорядку.

Таким образом, институт юридической ответственности регулирует систему общественных отношений, регламентируемых нормой права и охраняемых государством, и обеспечивает в целях соблюдения законности и охраны правопорядка целесообразность либо обязанность добровольного или принудительного выполнения участниками правоотношений правовых предписаний с учетом поощрения или принуждения. При позитивной юридической ответственности во внимание берется одобряемая и поощряемая государством линия поведения участников правоотношений, при негативной юридической ответственности — нарушение установленной государством и закрепленной в норме права меры дозволенного под угрозой принуждения.

Симбиоз позитивного и негативного направления в доктринальной оценке структуры юридической ответственности позволил рассматривать юридическую ответственность как ведущий институт правового регулирования общественных отношений, содержание которого составляет деятельность государства в лице компетентных его органов и должностных лиц по реализации охранительной, компенсационной и восстановительной функций права, предусматривающая на основании регламентируемой конкретно-определенной правовой нормы предоставление участникам индивидуализированных правоотношений субъективных прав поощрению или восстановлению нарушенных прав, свобод, законных интересов либо возложение юридических обязанностей, связанных с реализацией принудительных мер посредством наказания или иных мер правового воздействия.

Оформление института негативной юридической ответственности закономерно обусловило разработку концепций в области субъективных условий его реализации. В этой связи исследованию подлежали вопросы дефинитивного оформления таких правовых категорий, как правосубъектность и деликтоспособность. В основу изучения правовой природы данных категорий положена правовая оценка возможности осознания правонарушителем факта совершения данного правонарушения и его психического отношения к наступившим в результате реализации противоправного деяния негативных последствий.

Раскрытие критериев оценки деликтоспособности предполагает анализ общей правосубъектности как способности лица быть субъектом права, т.е. реализовывать права и нести юридические обязанности. Обращаясь к постулатам международного права, необходимо подчеркнуть, что в соответствии со ст. 16 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности. В данном случае речь идет о реализации принципа по пространству действия, т.е. о правах каждого человека быть субъектом права, реализовывать права и нести юридические обязанности независимо от национальной и гражданской принадлежности, места проживания и места пребывания.

Рассматривая проблемы реализации юридической ответственности, исходя из содержания и структуры правосубъектности, следует определить следующие актуальные вопросы эффективной реализации деликтоспособности. Харак-

теризуя взаимодействие элементов правосубъектности, стоит отметить, что лицо, обладающее правоспособностью, подлежит юридической ответственности за совершенное им правонарушение в силу правообладания таким свойством правосубъектности, как дееспособность, которая, основываясь на волеиспособности лица, порождает его деликтоспособность. При этом деликтоспособность, как внутреннее свойство правосубъектности, предусматривает способность субъекта правонарушения самостоятельно нести юридическую ответственность, которая обуславливается наличием у лица способностей и возможностей как осознавать последствия совершаемого правонарушения, так и претерпевать неблагоприятные последствия в случае его совершения.

Деликтоспособность субъекта правовых отношений на правоприменительном уровне детерминирована юридическими и фактическими признаками, которые в совокупности определяют как сам факт правообладания деликтоспособностью, так и объем ее реализации. От объема реализации деликтоспособности зависит объем реализации юридической ответственности в целом. Независимо от отраслевой принадлежности правонарушения, можно выделить общие юридические признаки деликтоспособности, сопряженные с возрастным цензом и психическим состоянием физических лиц и конструкцией организационно-правовой формы юридических лиц.

Первостепенным критерием юридической оценки деликтоспособности физических лиц признается возраст. Возрастные критерии оценки способности физического лица нести юридическую ответственность разрабатываются в рамках теоретико-правовой модели и находят воплощение в законодательной формуле с учетом особенностей национальных правовых систем. В соответствии со ст. 60 Конституции Российской Федерации гражданин Российской Федерации может осуществлять свои права и обязанности в полном объеме с 18 лет. Данный возрастной порог полной правосубъектности физического лица предусмотрен нормами ГК РФ (ст. 21 ГК РФ). Уголовное законодательство РФ, оперируя повышенной опасностью преступлений, регламентирует наступление общей деликтоспособности физического лица достижением 16 лет, в отдельных случаях за отдельные составы преступлений уголовная ответственность — по достижении 14 лет.

На страницах юридической литературы активно дискутируется вопрос о целесообразности снижения возраста деликтоспособности физическо-

го лица. Например, уголовное законодательство Англии предусматривает уголовную деликтоспособность физического лица, связанную с наступлением возраста десяти лет². Уголовный кодекс Франции устанавливает деликтоспособность несовершеннолетних по достижении ими возраста тринадцати лет³. Д.М. Кафарова, ссылаясь на правовой опыт зарубежных государств, в частности Бразилию, Венесуэлу, Грецию, Израиль, Канаду и др., указывает на объективную необходимость в современных условиях снижения возраста для привлечения к уголовной ответственности до 12 лет⁴.

С другой стороны, как отмечают психологи, физическое лицо в возрасте 18 лет наряду с элементами взрослого статуса сохраняет «черты зависимости, сближающие его положение с положением ребенка». Вследствие этого физическое лицо по достижению 18 лет не обладает «прочной возможностью противостоять негативным влияниям окружения». С учетом данных особенностей целесообразным представляется ранжирование возрастного критерия в нормах отраслевого законодательства.

Данная специфика психофизиологических особенностей находит отражение в действующем уголовном законодательстве РФ. Например, в главе 14 УК РФ регламентируются особенности назначения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних. Более того, в главе 14 УК РФ предусмотрен особый порядок реализации данных норм в отношении лиц, совершивших преступление в возрасте от 18 до 20 лет (ст. 96). Дополнительные гарантии установлены в отношении несовершеннолетних материальными нормами административного, гражданского, семейного законодательства, а также процессуальными нормами, регулирующими порядок искового производства, осуществления предварительного и судебного производства по уголовному делу.

В Уголовном кодексе ФРГ разграничению подлежит деликтоспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет и молодежи, возрастные рамки которой варьируются в пределах 18–21 года. При этом суд при определении деликтоспособности несовершеннолетнего обязан принимать во внимание степень зрелости лица на

² Elliott C., Quinn F. English Legal System. 8th ed. Oxford, 2008. P. 126.

³ Крылова Н.Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. М., 1996. С. 14–22.

⁴ Кафарова Д.М. Административно-правовые и уголовно-правовые аспекты профилактики общественно опасных деяний, совершаемых лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности // Российский следователь. 2007. № 17. С. 59.

момент совершения преступления с учетом умственного и духовного развития на предмет возможности предвидения им неправомерности содеянного⁵. В Японии, согласно Закону о несовершеннолетних (1948 г.), уголовная деликтоспособность наступает по достижении физическим лицом возраста 16 лет. Вместе с тем законодательно определены с учетом возрастного ценза совершеннолетия особенности уголовной ответственности лиц в возрасте от 16 до 20 лет⁶.

Рассматривая особенности учета данной специфики психофизиологических особенностей личности в зарубежном законодательстве, стоит сказать, что Уголовный кодекс Австрии предусматривает в качестве «особого смягчающего обстоятельства» совершение деяния лицом в возрасте от девятнадцати лет до 21 года⁷. Уголовная ответственность несовершеннолетних по уголовному законодательству Польши наступает: по общим основаниям — с 17 лет, в особых случаях — с 15 лет⁸. Примечательно также, что ст. 115 Уголовного кодекса Польши регламентирует в качестве субъекта преступления «лицо молодежного возраста», которому: 1) на момент совершения противоправного деяния не исполнилось 21 года; 2) на момент вынесения приговора суда — 24 лет.

Вторым согласно теоретико-правовой доктрине самостоятельным признаком определения свойства правообладания физического лица деликтоспособностью является его психическое состояние. Юридическая оценка психического состояния человека означает его способность осознавать противоправный характер своего поведения. По данным проведенных психиатрических исследований, наиболее распространенным диагнозом среди подэкспертных правонарушителей с хроническими психическими расстройствами являются «шизофрения и органическое поражение головного мозга с выраженными изменениями психики», «временные психические расстройства, связанные с психозом и реактивным состоянием депрессивно-параноидного синдрома». Следовательно, специалистами отмечается противоправность поведения, преимущественно обусловлен-

ная «патологической мотивацией общественно опасных действий», «совершением правонарушения по болезненным мотивам или в состоянии нарушенного сознания»⁹.

Исходя из сказанного, основным критерием при определении психического состояния человека выступает вменяемость. При констатировании характера вменяемости учитывается психическое состояние лица, постоянно, периодически или временно лишенного возможности осознавать характер своих действий и осуществлять контроль за своим поведением. Например, ст. 22 УК РФ регламентирует состояние «ограниченной вменяемости», когда лицо имеет психическое расстройство, которое, не исключая его вменяемости, не позволяет ему в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность поведения и руководить им. В результате конструкция данной уголовно-правовой нормы указывает на наличие ограниченной уголовной деликтоспособности.

Проводя сравнительно-правовой анализ законодательной регламентации признаков невменяемости физического лица, стоит подчеркнуть, что по УК ФРГ и Франции невменяемость подлежит установлению в силу возраста, связанного с недостижением 14 лет, и психического состояния, сопряженного с психическим расстройством, глубоким расстройством сознания или слабоумием, или другим тяжелым психическим отклонением, исключающими способность осознания неправомерности осуществляемого деяния.

В уголовном законодательстве Англии на основании «правила Мак-Нотена», исходящего из прецедента 1843 года, каждое физическое лицо признается вменяемым в силу обладания им «достаточной мерой разумности»¹⁰. Доказывание состояния невменяемости осуществляется в ходе судебного следствия с участием присяжных заседателей. «Убедительному» доказыванию в процессе подлежит факт пребывания физического лица «под воздействием повреждения разума или душевной болезни». Примерный Уголовный кодекс США, регламентируя на основании «правила Мак-Нотена» состояние невменяемости физического лица, указывает на наличие таких признаков, как психическая болезнь, неполноценное развитие, неспособность осознавать и оценивать характер поведения и его последствия. Уголовный кодекс Японии невменяемость рассматрива-

⁵ Соколов А., Предеина И. Ювенальное уголовное судопроизводство Германии // Российская юстиция. 2004. № 3. С. 66.

⁶ Уголовное право зарубежных стран: учебник для бакалавриата и магистратуры. В 3 т. Том 2: Общая часть. Франция, Германия, Италия, Япония / Н.Е. Крылова, В.Н. Еремич, М.А. Игнатова, А.В. Серебрянникова; под ред. Н.Е. Крыловой. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017.

⁷ Лясс Н.В. Реформа уголовного законодательства в Австрии // Правоведение. 1977. № 2. С. 117–119.

⁸ Ляскоуска К. Сравнительный анализ отдельных норм Общей части Уголовных кодексов Польши и России // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 3.

⁹ Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Законодательная регламентация незаконного помещения в психиатрический стационар // Российский следователь. 2013. № 18. С. 33–35.

¹⁰ Кросс Р. Прецедент в английском праве. М., 1985. С. 11, 173.

ет как «психически ненормальное» состояние физического лица, характеризующегося слабоумием либо страданием от психического заболевания, обуславливающими его невозможность руководить своими действиями или отдавать себе отчет в своих действиях.

Сопоставление двух критериев юридической оценки деликтоспособности позволило сделать вывод о том, что психическое состояние физического лица может детерминироваться как возрастными особенностями, так и непосредственно состоянием его «психического здоровья». Поэтому, по мнению большинства специалистов, при определении невменяемости физического лица в каждом конкретном случае необходимо установление причин, обусловивших «недостатки умственной сферы деятельности личности»¹¹.

Проведенный анализ показал, что деликтоспособность как свойство правосубъектности лица отличается спецификой его правового состояния, связанного с потенциальной предрасположенностью к несению юридической ответственности. В теоретико-правовой доктрине в качестве базовых критериев регламентации деликтоспособности физического лица признаны возраст и психическое состояние. Между тем взаимообусловленность данных категорий порождает ряд проблем при определении возрастных границ, установлении соотношения особенностей возрастной психологии и психических аномалий в поведении лица, порождающих пограничное состояние между вменяемостью и невменяемостью лица. По мнению Н.И. Матузова, юридическая оценка возрастного критерия деликтоспособности физического лица должна определяться значимостью возраста для формирования правового статуса личности¹².

Следующей проблемой теоретико-правового подхода к пониманию деликтоспособности следует признать проблемы законодательной техники, связанные с разграничением свойств и признаков деликтоспособности с учетом ее отраслевой классификации. Плюрализм доктринально-правовых подходов к оценке критериев деликтоспособности обусловил неоднозначность подходов в рамках отраслевой классификации деликтоспособности к разграничению в пределах одной отрасли права различных видов деликтоспособности. Доктринального осмысления заслуживает проблема

законодательного урегулирования отраслевой деликтоспособности исходя из специфики предмета и метода правового регулирования.

Качественно нового подхода требует решение вопроса о соотношении юридической и фактической деликтоспособности. Юридическая деликтоспособность физического лица заключается в регламентации условий и оснований несения юридической ответственности, определяемых от имени государства волеизъявлением законодателя. Вместе с тем актуализируется необходимость учета законодателем фактической деликтоспособности, обуславливающей реальную возможность лица претерпевать предусмотренные законом вследствие совершенного правонарушения неблагоприятные последствия, которая на правоприменительном уровне с учетом характера санкций отраслевых норм находится в зависимости от ряда факторов, в том числе состояния здоровья, верхнего возрастного предела, имущественного статуса и иных объективных обстоятельств, влияющих на эффективность реализации юридической ответственности. Важную роль для повышения эффективности механизма реализации юридической ответственности играет определение с учетом юридического отраслевого инструментария критериев разграничения видов деликтоспособности, предусматривающих как реальную возможность лица претерпевать юридические негативные последствия на личностном и материальном уровне, так и достижение целей, реализуемых в ходе привлечения виновного лица к юридической ответственности.

Пристальный интерес ученых и практиков вызывают вопросы, связанные с установлением критериев разграничения специальных видов деликтоспособности физических лиц, включая гражданскую принадлежность, семейное состояние, должностное положение и т.д. В рамках института отраслевой деликтоспособности насущной проблемой является оптимизация института правового иммунитета, сопряженная с установлением государством оснований и объема его реализации в отношении лиц, обладающих определенным статусом на уровне межгосударственных, государственных и общественных отношений.

Существенное значение на доктринальном и правоприменительном уровнях имеет разработка механизма правового регулирования деликтоспособности, содействующего гармонизации отраслевых подходов к вопросу о соотношении правового статуса субъектов правоотношений с учетом их деликтоспособности. В этой связи возникает зако-

¹¹ Дарибеков М.А. Понятие и виды субъектов правоотношений, их правоспособность и дееспособность // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2015. № 12. С. 134–136.

¹² Матузов Н.И. Общие правоотношения и их специфика // Правоведение. 1976. № 3. С. 41.

номерный вопрос относительно законодательно-го разграничения правового статуса государства, социальных общностей, физических и юридических лиц в качестве самостоятельных субъектов правоотношений и конкретизации специфики их деликтоспособности с учетом оснований, объема и пределов реализации. Закономерно в условиях негативных глобализационных вопросов актуализируется решение проблемы, связанной с определением объема и пределов публично-правовой деликтоспособности на внутригосударственном и международном уровнях.

В заключение стоит сказать, что деликтоспособность лица, выступая условием реализации

юридической ответственности, включает существенные характеристики виновного лица, обладающего потенциальными возможностями по несению юридической ответственности. Определение базовых критериев деликтоспособности на законодательном уровне должно исходить из доктринального подхода к оценке психофизиологических особенностей личности, уровню волеисполнительности и способности осознавать совершаемые действия, устанавливать причинно-следственную связь между совершаемым деянием и его последствиями личностного и материально-го характера для окружающей объективной реальности.

Литература

1. Авдеев В.А. Противодействие коррупционной преступности в РФ в контексте имплементации норм международного права / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева // Юридическое образование и наука. 2016. № 3. С. 135–139.
2. Белов В.А. Концепция «динамической правоспособности»: попытка нового прочтения / В.А. Белов // Кодекс-info. 2003. № 3–4. С. 92–103.
3. Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права : учебное пособие / научный редактор Н.Ф. Кузнецова ; ответственный редактор В.С. Комиссаров. Москва : Городец, 2009. 288 с.
4. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты) / Ю.А. Денисов. Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1985. 142 с.
5. Кибальник А.Г. Иммунитет как основание освобождения от уголовной ответственности / А.Г. Кибальник // Российская юстиция. 2000. № 8. С. 34–35.
6. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений / Ю.Г. Ткаченко. Москва : Юридическая литература, 1980. 176 с.
7. Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности : монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2007. 950 с.

References

1. Avdeev V.A. Protivodeystvie korrupsionnoy prestupnosti v RF v kontekste implementatsii norm mezhdunarodnogo prava [Combating Corruption-Related Crime in the Russian Federation Within the Framework of the Implementation of International Law Provisions] / V.A. Avdeev, O.A. Avdeeva // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka — Legal Education and Science. 2016. № 3. S. 135–139.
2. Belov V.A. Kontseptsiya «dinamicheskoy pravospobnosti»: popytka novogo prochteniya [The Dynamic Legal Capacity Concept: An Attempt at a New Interpretation] / V.A. Belov // Kodeks-info — Code-Info. 2003. № 3–4. S. 92–103.
3. Vzaimodeystvie mezhdunarodnogo i sravnitel'nogo ugolov'nogo prava : uchebnoe posobie [The Interrelation Between International and Comparative Criminal Law : textbook] / nauchny`y redaktor N.F. Kuznetsova ; otvetstvenny`y redaktor V.S. Komissarov. Moskva : Gorodets — scientific editor N.F. Kuznetsova ; publishing editor V.S. Komissarov. Moscow : Gorodets, 2009. 288 s.
4. Denisov Yu.A. Obschaya teoriya pravonarusheniya i otvetstvennosti (sotsiologicheskii i yuridicheskii aspekty) [The General Offense and Liability Theory (Sociological and Legal Aspects)] / Yu.A. Denisov. Leningrad : Izd-vo Leningradskogo universiteta — Leningrad : Publishing House of the Leningrad University, 1985. 142 s.
5. Kibalnik A.G. Immunitet kak osnovanie osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti [Immunity as a State of Release from Criminal Liability] / A.G. Kibalnik // Rossiyskaya yustitsiya — Russian Justice. 2000. № 8. S. 34–35.
6. Tkachenko Yu.G. Metodologicheskie voprosy` teorii pravootnosheniy [Methodological Issues of the Legal Relationship Theory] / Yu.G. Tkachenko. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1980. 176 s.
7. Khachaturov R.L. Obschaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti : monografiya [The General Legal Liability Theory : monograph] / R.L. Khachaturov, D.A. Lipinskiy. Sankt-Peterburg : Yuridicheskii tsentr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2007. 950 s.

DOI: 10.18572/1813-1190-2020-9-15-22

Юридическая деонтология в правовой культуре и юридической практике юристов

Славова Наталья Александровна,

заведующая кафедрой юридических дисциплин Российского нового университета,

кандидат юридических наук

slavova.natalja@yandex.ru

Цель. Этика в целом, включая деонтологию, выражает нравственные убеждения, правила, обыкновения, нравы и, будучи философской наукой, изучает нравственность (лат. мораль — прав) как форму общественного сознания с точки зрения происхождения нравственности, ее исторического развития, теоретического обоснования тех или иных ее систем, а также места и роли нравственности (морали) в структуре общественного сознания и отношений. Таким образом, особое значение приобретает деонтологический подход к процессу профессиональной подготовки юристов, поскольку именно на них возложена особая миссия регулирования правовых отношений между членами общества. И эта задача должна быть выполнена на высоком уровне, что невозможно без усвоения этических норм, формирования моральных качеств. Таким образом, и правовую культуру, и юридическую практику необходимо рассматривать через призму деонтологических основ. В связи с этим необходимо провести исследование и дать определение юридической деонтологии, ее место и роль в развитии правовой культуры, усовершенствовании юридической практики, а также профессиональной подготовке юриста как субъекта социально-правовой деятельности.

Методология: диалектика, герменевтика, компаративистика, анализ и синтез.

Выводы. Одним из важных аспектов в формировании профессиональной культуры юристов и правовой культуры в целом, усовершенствовании юридической практики является юридическая деонтология, которая призвана определить границы распространения моральных норм на служебную деятельность; утверждать общечеловеческие ценности, национальные традиции и обычаи, теоретически обосновать их необходимость, сущность и специфику, проявление их на практике; отражать нормы служебного поведения, при необходимости критиковать их, способствовать в целесообразном выборе тех или других правил отношений и принципов профессиональной морали при осуществлении юридической практики; повышать правовую культуру.

Научная и практическая значимость. Значимость характеристики юридической деонтологии как комплексной отрасли знаний о юриспруденции неразрывно связана с социальной ролью юриста в обществе. В этом смысле юридическая профессия сравнима с медицинской: юрист — «врачеватель душ» и, более того, с точки зрения его нравственной позиции и приверженности принципу верховенства права может быть представлен как активный участник процесса формирования духовного здоровья общества. Выполнение социальной роли юриста, его способность соответствовать «социальному заказу» общества предопределяются юридической деонтологией как комплексом определенных знаний, поскольку ее содержание сориентировано на то, чему следует учиться, как следует учиться и чему следует соответствовать, обучаясь и обучившись.

Ключевые слова: деонтология, право, правовая культура, правовая практика, профессиональная деятельность юриста, юридическая деонтология, юрист, юридическая деятельность, этика.

Юридическая практика занимает относительно самостоятельное место в правовой системе общества и играет существенную роль в механизме правового регулирования. Она косвенно влияет на все стороны жизнедеятельности общества, способствуя развитию его процессов или тормозя их¹.

Таким образом, юридическая практика образует существенную часть культуры общества², в том числе правовой культуры, и влияет на правосознание граждан.

В свою очередь, правосознание требует систематического рационального формирования, стимулирования, положительного социального развития. Следует также отметить, что правовая культура в различных формах является системой

мер, направленных на интеграцию в сознание людей политико-правовых идей, норм, принципов, которые воплощают ценности определенного социума и государства в целом.

Проводя исследования относительно трактовки и понятия «юридическая практика», А.П. Белова дает авторское определение данной категории, где понимается целенаправленная, культурно обусловленная и профессионально нормируемая деятельность особых субъектов (обладающих определенными правовыми знаниями и имеющих законные основания на осуществление подобной деятельности), направленная на формирование правовой действительности и объективируемая в установленных формах³. В данном определении

¹ Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юристъ, 1997. С. 461.

² Там же. С. 460.

³ Белова А.П. Понятие «юридическая практика»: основные подходы к пониманию и трактовки в исследованиях теоретиков права // Электронное приложение к российскому юридическому журналу. 2016. № 6 (38). С. 17.

первоочередной акцент сделан на культуру как ядро и основу профессиональной деятельности субъектов. Следует отметить, что юридическая практика является синтезом практической юридической деятельности субъекта, его правосознания и правовой культуры.

Необходимо обратить внимание, что юридическая практика обуславливает (и должна это делать) высокий уровень правовой культуры, который отвечает современным требованиям юридического образования и сегодняшним реалиям. Основным определяющим фактором правовой культуры является соответствующий уровень правовой культуры общества в целом, способ ее функционирования, обновления и совершенствования в рамках современного права. В свою очередь, правовая культура — это система духовных, этических, материальных ценностей в сфере функционирования права, развитых обществом благодаря постоянному усовершенствованию образовательно-просветительской деятельности, юридической деятельности (практики) с учетом общечеловеческих ценностей и морально-этических принципов, сформированных в обществе.

Как правильно замечает С.П. Кузнецова, представление о правах и свободах человека, не всегда зафиксированных в текстах законов, содержится в моральном сознании, так называемом правосознании, иногда предлагающем изменения к текстам законов либо к их буквальному толкованию и применению. По ее мнению, концепция законности отражает совершенствование правового регулирования с целью максимально полной реализации в ней моральных и нравственных норм⁴.

Таким образом, юридическая практика находится в родовых отношениях с правовой культурой. А в свою очередь, и юридическую практику, и правовую культуру невозможно рассматривать без учета юридической деонтологии как этической науки.

Терминологически деонтология имеет греческое происхождение (деонтос — нужное, должное) и означает раздел этики, где изучаются проблемы долга и должного: нравственных задач, принципов, норм определенного индивида, группы людей, народа в конкретных социальных условиях и ситуациях, становящихся для них внутренне принимаемыми обязательствами.

⁴ Кузнецова С.П. Справедливость и правосудие: тенденции практического применения в юридической практике // Территория науки. 2017. № 1. С. 172.

Долг и должное как категории этики (а значит, и деонтологии) различаются степенью абстрактности, так, должное выражает область вообще всех требований, предъявляемых к людям в форме норм, тогда как понятие долга всегда связано с конкретным временем, проблемами данного народа и включает исторически простейшие правила человеческого общения. При этом природа долга неоднозначно объясняется в науке: его основания связаны с соответствующей формой толкования нравственной необходимости (как божественного веления, например, или общественного установления, или внутренней потенции личности и т.д.).

Во времена восточной и античной идеологии этика была вначале неразрывно соединена с философией и правом и трактовалась как практическое нравоучение относительно телесной и психической гигиены жизни.

Обособление этики произошло во времена Аристотеля (автора и самого термина, посвятившего этике такие работы, как Никомахова этика, Большая этика, Эвдемова этика). По Аристотелю, место этики в системе научных знаний находится между психологией — учением о душе и политикой — учением о государстве, поскольку Аристотель полагал, что на основе психологии этика служит осуществлению важнейшей цели — формированию добродетельного гражданина государства. При этом исследовательское внимание Аристотеля обращается к природе и источникам нравственности (морали), свободе воли и основаниям нравственных поступков, соотношению смысла жизни и высшего блага, справедливости и т.д.

Этика как наука, изучающая нравственность, определенным образом соотносится и взаимодействует с этикетом (этика — лат. *ethica* < греч. *ethos* — обычай, нрав, характер; этикет — фр. *etiquette* — порядок и формы обхождения при дворе монарха, между дипломатами (в узком смысле)).

Этикет (в широком смысле) означает форму поведения, правила учтивости, принятые в данном обществе, а этика с точки зрения нравственности являет собой один из основных способов нормативной (т.е. в форме норм-правил) регуляции поведения человека (на основе его сознания) в обществе. Формируется и реализуется нравственность силой массовых привычек, велений и оценок общественного мнения. Нравственность не предполагает субъекта и объекта воздействия, речь идет о взаимных отношениях всех.

Демонологический раздел этики также посвящен (включая категории долга и должного) нравственности. Сам термин был введен в научно-практический оборот английским социологом и юристом Иеремией Бентамом, написавшим (1834 г.) значительный двухтомный труд под названием «Деонтология или наука о морали», где он, во-первых, обосновывал предложение о моральной оценке поведения человека, исходя из приносимой им пользы, во-вторых, провозглашал важнейший принцип человеческой жизни: наибольшего счастья наибольшему числу индивидов. По мнению И. Бентама, каждый человек, достигший личного «преуспеяния», увеличивает общую сумму счастья.

И. Бентам полагал деонтологией обозначить теорию нравственности в целом, однако развитие философских знаний и современная их система включает этику в качестве философской науки и деонтологию как часть этики, этическую науку. При этом применительно к юриспруденции говорят и пишут как о профессиональной этике юриста, так и о юридической деонтологии, обосновывая фактически одинаковое содержание обеих отраслей знаний и учебных дисциплин.

Юридическая деонтология — комплексная отрасль знаний о юриспруденции. Юридическая деонтология, в сравнении с общей деонтологией, является более «юной» наукой и учебной дисциплиной. Более известной выступает деонтология как учение о профессиональных и нравственных обязанностях и правилах поведения медицинского работника по отношению к больному. В данном аспекте можно проводить аналог профессионально-этических, моральных обязанностей юриста и врача. Поскольку и юрист, и врач должны сформировать внутренний императив своих служебных обязательств, который выражается не только во внутренних чувствах и переживаниях, но и в требованиях членов общества к определенным представителям профессий. Таким образом, юридическая деонтология за несколько десятков лет своего становления и развития авторитетно утвердилась как наука и учебная дисциплина, обеспечивающая нравственный профессионализм, мировоззренческую позицию, культуру делового общения юриста и правовую культуру в целом.

Такое значение юридической деонтологии во многом обусловлено ее статусом как комплексной отрасли знаний о юриспруденции (правоведении). Названная дисциплина включает общие знания о правовой науке, научных учреж-

дениях и научной деятельности, юридическом образовании и юридической профессии, особенностях основных видов юридической профессии, правовой культуре, юридической практике и профессиональной юридической деятельности. Тем самым юридическая деонтология обеспечивает решение важной учебной задачи — юридической пропедевтики (введения в юридическую специальность).

Так, приобретение общих знаний о юридическом образовании предполагает уяснение системы, структуры, уровней, специализаций (соответственно, высшее и специальное образование; юридические вузы, факультеты и специализированные учебные заведения; бакалавр, магистр; гражданско-правовая, уголовно-правовая, административно-правовая, конституционно-правовая и т.д.) юридического образования, а также организации учебного процесса по правоведению в конкретном вузе. Комплексные и вместе с тем начальные знания юридическая деонтология дает также о юридической профессии, особенностях основных ее видов, поскольку информированность и уяснение содержания будущей профессии обеспечивает перспективы профессиональной ориентации, особое внимание к определенным дисциплинам и соответствующим личностным качествам юриста как профессионала. Следует согласиться с Г.Э. Адыгезаловой, что юридическая профессия — это промежуточное звено в социальной структуре, юристы активно участвуют в формировании правовой традиции общества⁵ тем самым способствуют развитию правовой культуры. В своей деятельности юрист должен четко придерживаться норм права, но этого недостаточно. Самое важное на сегодняшний день — это сочетание общепринятых человеческих ценностей с правовыми нормами для достижения гармонии права и морали и лучших результатов в профессиональной деятельности.

В данном аспекте необходимо, чтобы юрист не только выступал в роли «знатока» закона, но и олицетворял жизненную мудрость, опыт, нравственные и моральные принципы справедливого и честного человека.

Очень важно, чтобы каждый представитель юридической профессии понимал, что юридическая деятельность — это не «бизнес», а именно

⁵ Адыгезалова Г.Э. Место юриста в обществе и государстве во взглядах представителей американской социологической юриспруденции XX века Т. Парсонса и Г. Бредемейера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 19. С. 14.

профессия, где, например, отношения между адвокатом и клиентом основываются на доверии, а не на извлечении выгоды; гонорар выплачивается за работу, а не просто в результате обычной сделки, заключенной на рынке...)⁶.

Таким образом, считаем, что знания, предоставляемые юридической деонтологией, о содержании юридической практики и профессиональной юридической деятельности предполагают уяснение места и роли юриста как субъекта профессиональной деятельности в системе юридической практики, где всегда необходимо находить баланс между личной и профессиональной жизнью, с учетом тесного взаимодействия — моральных и правовых норм.

Например, понятие юридической практики, будучи в правовом смысле фактическим осуществлением норм права, а с точки зрения качественно-количественного наполнения — правовой квалификацией (оценкой) фактов реальной жизни, не совпадает с понятием юридической деятельности (выражение юридическая практическая деятельность является неточным, так как всякая деятельность (различают физическую и умственную деятельность) имеет практический характер (деятельностный)), потому что к практике относится еще и результат предпринятой деятельности. При этом юридическая практика (тем более юридическая практическая деятельность) не совпадает и с понятием профессиональной юридической деятельности еще и потому, что субъектами юридической практики являются все члены общества (индивидуальные, коллективные), способные осуществлять право, и они далеко не все являются юристами (и не должны ими быть). А вот профессиональная (как профессией) юридическая деятельность (только не практическая в силу уже отмеченного) предполагает особого субъекта — дипломированного юриста.

Комплексность знаний, относящихся к содержанию юридической деонтологии, подтверждается также включением в него (содержание) блока нравственных норм, стандартов культуры делового общения, выражающих соответствующие требования к юристу как личности, представителю профессии, компетентному специалисту.

При этом знания, составляющие содержание юридической деонтологии, имеют именно ком-

плексный характер как результат обобщения исходных знаний различных юридических наук (общеправовых и отраслевых) и неюридических (этики, психологии, менеджмента, социологии и др.). Значительная их часть основательно представлена в последующем процессе правового образования и овладения юридической профессией, в рамках юридической деонтологии указанные знания являют собой фундаментальную основу (подготовку) для приобретения теоретических правовых знаний, практических умений и профессиональных навыков в контексте мировоззренческой (и особенно нравственной) позиции юриста.

Также следует отметить, что юридическая практика, выступая по форме реализацией (фактическим осуществлением) права, а по содержанию правовой квалификацией жизненных ситуаций, охватывает весь правовой оборот общества, воплощает многообразие поведения субъектов (юристов и не юристов) в сфере права, а также результат этого поведения, имеющий юридическое значение. Юридическая деятельность как активное поведение в сфере права вместе с результатом (деятельности, поведения) составляют количественную характеристику юридической практики, но в то же время деятельность характеризует практику с действенной стороны, выражает качество реального воздействия права на взаимные отношения самых различных субъектов — членов общества, приводя их к соответствующему результату.

В организационно-управленческом смысле юридическая деятельность как часть юридической практики может быть различного вида: правоустановительная (правотворческая), правоисполнительная, правоохранительная, правоприменительная. Субъекты всех видов юридической деятельности весьма разнообразны: депутаты, должностные лица, бизнесмены, граждане и т.д. Во всех видах юридической деятельности участвуют наряду с иными субъектами и профессиональные юристы, именно их деятельность является юридической профессиональной деятельностью.

При этом юристы как субъекты названной деятельности выступают в силу владения юридической профессией и выполнения определенного профессионального поручения (служебной обязанности). Вместе с тем юристы участвуют в юридической практике и деятельности (в этом случае она не является профессиональной) и на уровне депутатского корпуса, предпринимательства, чи-

⁶ Адыгезалова Г.Э. Место юриста в обществе и государстве во взглядах представителей американской социологической юриспруденции XX века Т. Парсонса и Г. Бредемейера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 19. С. 14.

новничества, просто граждан, осуществляя иные свои (не в связи с профессиональным поручением) права и обязанности, хотя, возможно, и используя при этом владение юридической профессией.

К предмету юридической деонтологии относится характеристика качеств юриста как с точки зрения его профессиональной деятельности, деятельности в качестве иного субъекта общественной практики в целом (предпринимателя, ученого, гражданина и т.д.), так и исходя из его внеслужебного поведения (досуг, общение с родственниками, друзьями и т.п.).

Имидж юриста проявляется и оценивается на основе всех его поступков, включая личную жизнь, что обусловлено социальным значением, а также социальным статусом юридической профессии и юриста как «проповедника права» и защитника прав. Поэтому обществом деятельность юриста видится не только через призму его профессионализма как специалиста в сфере права, но и через «чувство» законности, собственных обязанностей, милосердия и умение проникнуть и глубоко изучить сущность юридического дела (юридического конфликта), применяя при этом синтез правовых и морально-этических норм.

В этом контексте очень важно обратить внимание на концепцию юридического позитивизма, где основная задача юриста (с позиции позитивного права) сводится к анализу позитивных, принятых государством законов, иных нормативно-правовых актов, не вдаваясь в оценки содержащихся в этих источниках норм с позиции добра и зла, справедливости и прочих нравственных категорий. Деятельность юриста, несомненно, должна строго соответствовать закону, однако действия и решения, которые принимаются юристами, также должны соответствовать и моральным нормам. Следует отметить, правовая культура юриста непосредственно обусловлена позитивным правом, однако его источниками являются и должны быть естественные (природные) законы и требования общественной жизни. Государственный абсолютизм, по нашему мнению, является ядром уничтожения морально-этических чувств юриста. И в связи с этим нецелесообразно считать единственным инструментом деятельности юриста правовую догму, поскольку не всегда можно увидеть положительный результат.

Обращаясь к истории права (философии права), видим, что критика юридического позитивизма приобрела распространение в континентальной Европе, где возникает новое течение правопо-

нимания, которое ищет право в реальной жизни, общественных отношениях, чувстве справедливости и выступает против радикального «буквоедства». Это учение получило название школы «живого права», родоначальником которой стал Евгений Эрлих.

В своей работе «Основы социологии права» (1913) Евгений Эрлих писал: «...Только то, что является частью жизни, становится живой нормой, все остальное является обычной доктриной, догмой, теорией»⁷. Наибольшую ценность имеют морально-этические нормы в юридическом процессе, справедливость, которая отражает общественные интересы и понимание того, что человек является первичным по отношению к формальным правовым догмам. Так, Р. Паунд высшую цель права видел в достижении общественно важных ценностей (согласия, благополучия, мира), которые исходят из интересов существующего общества, охватываются господством правопорядка и направлены на достижение ценностей и постулатов современной цивилизации»⁸.

К сожалению, правовая система и правовая реальность в настоящее время в России и других странах (Украина, Беларусь, Казахстан и т.д.) характеризуются формализмом, игнорированием реалий и фактов юридического дела при его анализе, в свою очередь, это, конечно, обусловлено историческими, культурными, ментальными и другими факторами. Однако в юридической практике это не должно быть оправданием для юриста, наоборот, важно не допустить стереотипного «чисто» формального подхода к своему делу, своим обязанностям (необходимо также юристу различать допустимые и ограниченные требования бюрократизма). Думается, что негативное влияние на деятельность юриста может спровоцировать абсолютизация формального подхода к своим профессиональным обязанностям.

Рассматривая важность деонтологических элементов в правовой культуре и юридической практике, конечно, необходимо обращать юристу внимание на идею американских правовых реалистов, в основе которой лежит путь поиска справедливости, всестороннего анализа фактов дела, а не формальное применение норм законодательства (в судопроизводстве правовые нормы используются только для рационализации решения)⁹.

⁷ Ehrlich E. Fundamental principles of the sociology of law. Transaction publishers, 2009. P. 41.

⁸ Pound R. Social control through law. New Haven : Yale Univ. Press; Oxford Univ. Press, 1942. P. 54.

⁹ Roederer C., Moellendorf D. Jurisprudence. Kluwer, 2004. P. 159.

Так, Оливер Холмс утверждал, что правовая реальность раскрывается в опыте, который формируется под влиянием моральных норм¹⁰.

На основе таких суждений американские правовые реалисты развивали необходимость эмпирического изучения «живого права», детального анализа фактов при вынесении решения (судебного решения) с последующим поиском надлежащей правовой нормы. В работах правовых реалистов можно проследить «тяготение» интересов к потребностям каждого отдельного индивида, в связи с этим юристы должны анализировать факты, которые порождаются в результате деятельности отдельного человека.

Возвращаясь к истории развития американской школы правового реализма, стоит заметить, что в 1930 году, во времена Великой депрессии, профессор Карл Ллевелин в *Harvard Law Review* отметил, что волнения в государстве и праве уже позади, наступило время «реализма» — мощного правового течения: «Сфера интересов стала шире, люди снова начали интересоваться жизнью, которая вращается вокруг юридических явлений. Позади решений стоят судьи, судьи — это люди... По ту сторону решений стоят люди, которых они прямо или косвенно затрагивают»¹¹. Эти слова воплощают основную идею школы американского реализма, согласно которому человек находится внутри правовой реальности, а его интересы являются первичными.

Интересным также является утверждение Дж. Франка, что если давать определение праву с точки зрения лица, которое не имеет юридического образования, то для него правом будет конкретное решение суда со всеми фактами, анализированными в деле. И пока суд не проанализирует все факты и не примет соответствующее решение, для этого лица право не существует. А к моменту принятия решения существует лишь предварительная позиция юриста, которая сама по себе не является правом¹².

Таким образом, осуществление юридической профессии всегда происходит в определенной социальной среде, опосредуется ею по принципу «обратной связи», поэтому деловые, нравственные и профессиональные качества юриста обеспечивают (или не обеспечивают) необходимое взаимодействие права и «неюридической среды».

При этом названное взаимодействие обеспечивается не самим наличием высокого потенциала указанных качеств юриста, а их практической реализацией, «удачным воплощением», что предполагает соответствующую технику, технологию юридического труда и, конечно, правовую культуру.

Использование категории «юридический труд» позволяет составить характеристику профессиональной юридической деятельности, исходя из ее особенностей в сравнении со всякой другой деятельностью и юриста как субъекта соответствующих профессиональных усилий. И юридическая практика, и профессиональная юридическая деятельность предполагают определенное воздействие на объект (отношения людей, исполнение ими обязанностей и т.д.), осуществляемое посредством целенаправленных усилий юриста, его интеллектуальными, эмоциональными, энергетическими и физическими ресурсами. В этом смысле юрист должен уметь использовать технологию и технику профессионального труда в сочетании с нравственными принципами и правовой культурой в целом, не отягощая ее формализацией.

Следует отметить, что целью воздействия на объект выступает обеспечение соответствующего поведения людей (одного человека) в рамках, определяемых правом. Предметом профессионального труда юриста являются разнообразные носители информации (правовые тексты: нормативные правовые акты, комментарии, научные работы и т.д., поведенческие акты (поступки людей) и, возможно, устные суждения, умозаключения и т.п.)¹³. Процедуры и операции, как технологические элементы работы юриста, обусловлены процессуальной правовой регламентацией, а также юридическим значением результата его работы. Процедуры отражают порядок, правила, этапы работы, а операции являются содержанием процедурной формы и включают определенные мыслительные усилия и реальные действия. Операции, осуществляемые юристом в процессе профессиональной деятельности, основаны на правовом мышлении, правовой культуре и в этом контексте предопределяются степенью и уровнем его (юриста) профессионализма и отношением к своей профессии.

Несомненно, что нравственное видение содержания юридической профессии свойственно юридической деонтологии по определению, но

¹⁰ Holmes O. W. The common Law. URL: <http://www.general-intelligence.com/library/commonlaw.pdf> (дата обращения: 25.02.2020).

¹¹ Llewellyn K. Realism about Realism — Responding to dean Pound // *Harvard L. Rev.* 1930. Vol. 44. 1222 p.

¹² Frank J. *Law and the Modern Mind*. Gloucester, Mass : Peter Smith, 1930. P. 50.

¹³ Жалинский А.Э. *Профессиональная деятельность юриста. Введение в специальность : учебное пособие*. М.: БЕК, 1997. С. 134–137.

оно (видение), в свою очередь, обусловлено этим содержанием. Например, вряд ли можно обоснованно утверждать нравственные требования к деятельности следователя (даже зная его личностные качества) без уяснения основного содержания и особенностей этой деятельности. Думается, что пропедевтическое начало также естественно для юридической деонтологии, как и нравственная проблематика. Более того, последняя особое звучание приобретает через деловую и профессиональную культуру юриста. Об этом, в частности, свидетельствует и мировая история развития юридического образования (например, университетского). Как известно, средневековая эпоха возникновения и распространения университетов (готовивших преимущественно магистров искусств, нотариусов (как представителей полуюридической профессии их обучали магистры), юристов и врачей) вообще не была связана с влиянием образования на социальные условия жизни общества. Дипломированные выпускники того времени вряд ли годились для обеспечения минимума правовой стабильности социального порядка в целом, поскольку более важными были «престиж», практические, экономические и административные выгоды, извлекаемые городами и правителями из самого факта существования университета¹⁴.

Правильным является утверждение Г.Э. Адыгезаловой, что юридическое образование должно включать и теорию, и практику, при этом теоретическая база осваивается именно в процессе обучения, и это тот фундамент, без которого все остальные дисциплины можно познавать только поверхностно¹⁵.

Юридическая деонтология, как базовая дисциплина для юристов, является своеобразным правовым компасом, который предоставляет возможность увидеть сущность юридической профессии, особенности юридической практики, где центральное место занимает человек и его естественные (природные) права.

Таким образом, юридическая деонтология — отрасль юридической науки и учебная дисциплина, которая является системой общих знаний о юридической науке и практике, о требованиях к личным и профессиональным качествам юриста, о системе формирования этих качеств; прививает уважение к закону, повышает правовую культуру юриста; способствует становлению и развитию правового профессионализма, морально-этических качеств юриста, становлению правовой компетенции в практической деятельности.

¹⁴ Морау П. Средневековый университет: карьера выпускника (реферат) // *Alma mater*. 1997. № 6. С. 36–38.

¹⁵ Адыгезалова Г.Э. Теория и практика в осуществлении права: социально-правовое исследование // *Теория и практика общественного развития*. 2016. № 4. С. 98.

Литература

1. Адыгезалова Г.Э. Место юриста в обществе и государстве во взглядах представителей американской социологической юриспруденции XX века Т. Парсонса и Г. Бредемейера / Г.Э. Адыгезалова // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 19. С. 14–16.
2. Адыгезалова Г.Э. Теория и практика в осуществлении права: социально-правовое исследование / Г.Э. Адыгезалова // *Теория и практика общественного развития*. 2016. № 4. С. 96–99.
3. Белова А.П. Понятие «юридическая практика»: основные подходы к пониманию и трактовки в исследованиях теоретиков права / А.П. Белова // *Электронное приложение к российскому юридическому журналу*. 2016. № 6 (38). С. 9–18.
4. Жалинский А.Э. Профессиональная деятельность юриста. Введение в специальность : учебное пособие / А.Э. Жалинский. Москва : БЕК, 1997. 330 с.
5. Кузнецова С.П. Справедливость и правосудие: тенденции практического применения в юридической практике / С.П. Кузнецова // *Территория науки*. 2017. № 1. С. 170–175.
6. Морау П. Средневековый университет: карьера выпускника (реферат) / П. Морау // *Alma mater*. 1997. № 6. С. 36–40.
7. Теория государства и права : курс лекций / под редакцией Н.И. Матузова и А.В. Малько. Москва : Юристъ, 1997. 672 с.
8. Ehrlich E. *Fundamental principles of the sociology of law* / E. Ehrlich. Transaction publishers, 2009. 541 p.
9. Frank J. *Law and the Modern Mind* / J. Frank. Gloucester, Mass : Peter Smith, 1930. 362 p.

10. Holmes O.W. The common Law / O.W. Holmes ; by ed. Paulo J.S. Pereira, Diego M. Beltran. URL: <http://www.general-intelligence.com/library/commonlaw.pdf> (дата обращения: 11.07.2020).
11. Llewellyn K. Realism about Realism – Responding to dean Pound / K. Llewellyn // Harvard Law Review. 1930. Vol. 44. P. 1222–1243.
12. Pound R. Social control through law / R. Pound. New Haven : Yale University Press; Oxford University Press, 1942. 138 p.
13. Roederer C. Jurisprudence / C. Roederer, D. Moellendorf. Kluwer, 2004. 667 p.

References

1. Adygezalova G.E. Mesto yurista v obschestve i gosudarstve vo vzglyadakh predstaviteley amerikanskoj sotsiologicheskoy yurisprudentsii XX veka T. Parsonsa i G. Bredemeyera [The Lawyer's Role in the Society and the State in Views of Representatives of the American Sociological Jurisprudence of the XX Century T. Parsons and H. Bredemeier] / G.E. Adygezalova // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Studies of Art. Issues of Theory and Practice. 2012. № 19. S. 14–16.
2. Adygezalova G.E. Teoriya i praktika v osuschestvlenii prava: sotsialno-pravovoe issledovanie [The Theory and Practice in Exercising of Right: Sociolegal Research] / G.E. Adygezalova // Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development. 2016. № 4. S. 96–99.
3. Belova A.P. Ponyatie «yuridicheskaya praktika»: osnovny`e podkhody` k ponimaniyu i traktovki v issledovaniyakh teoretikov prava [The Legal Practice Concept: The Key Approaches to Understanding and Interpretation in Research by Legal Theorists] / A.P. Belova // Elektronnoe prilozhenie k rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalу – Electronic supplement to the Russian Law Journal. 2016. № 6 (38). S. 9–18.
4. Zhalinskiy A.E. Professionalnaya deyatelnost yurista. Vvedenie v spetsialnost : uchebnoe posobie [Professional Activities of a Lawyer. Specialty Introductory Course : textbook] / A.E. Zhalinskiy. Moskva : BEK – Moscow : BECK, 1997. 330 s.
5. Kuznetsova S.P. Spravedlivost i pravosudie: tendentsii prakticheskogo primeneniya v yuridicheskoy praktike [Fairness and Justice: Practical Application Tendencies in the Legal Practice] / S.P. Kuznetsova // Territoriya nauki – Science Territory. 2017. № 1. S. 170–175.
6. Moraw P. Srednevekovy`y universitet: karyera vy`pusknika (referat) [The Medieval University: Careers of Graduates (abstract)] / P. Moraw // Alma mater – Alma Mater. 1997. № 6. S. 36–40.
7. Teoriya gosudarstva i prava : kurs lektsiy [Theory of State and Law : course of lectures] / pod redaktsiey N.I. Matuzova i A.V. Malko. Moskva : Yurist – edited by N.I. Matuzov and A.V. Malko. Moscow : Lawyer, 1997. 672 s.
8. Ehrlich E. Fundamental Principles of the Sociology of Law / E. Ehrlich. Transaction Publishers, 2009. 541 s.
9. Frank J. Law and the Modern Mind / J. Frank. Gloucester, Mass : Peter Smith, 1930. 362 s.
10. Holmes O.W. The Common Law / O.W. Holmes ; by ed. Paulo J.S. Pereira, Diego M. Beltran. URL: <http://www.general-intelligence.com/library/commonlaw.pdf> (data obrascheniya: 11.07.2020 – date of access: July 11, 2020).
11. Llewellyn K. Realism About Realism – Responding to Dean Pound / K. Llewellyn // Harvard Law Review. 1930. Vol. 44. S. 1222–1243.
12. Pound R. Social Control Through Law / R. Pound. New Haven : Yale University Press; Oxford University Press, 1942. 138 s.
13. Roederer S. Jurisprudence / S. Roederer, D. Moellendorf. Kluwer, 2004. 667 s.

Предпосылки зарождения науки криминалистики в древнем мире

Кучин Олег Стасьевич,

профессор кафедры криминалистики Юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук,
Doctor of Science Honoris Causa,
академик Российской Академии Естествознания (РАЕ), доцент,
заслуженный деятель науки и техники Российской Академии Естествознания (РАЕ)
kuchin-os@rambler.ru

Цель. Постановка проблемы криминалистического обеспечения правоприменительной практики одновременно затрагивает и образовательные, и воспитательные аспекты. В связи с тем, что многие проблемы юридической теории и практики прежде решались исключительно на формально-догматической основе, мы имеем в качестве показателей сложившегося состояния этой области незнание выпускниками юридических вузов и практиками основных ценностных приоритетов современного социального развития, ради достижения которых осуществляется их профессиональная деятельность, а также неумение выделить ключевые вопросы жизни общества, от справедливого решения которых зависит его успешная динамика. Целью настоящей статьи является раскрытие генезиса возникновения науки криминалистики начиная с доисторических времен и заканчивая древними государствами Европы и Азии. По мере накопления и систематизации определенных знаний об окружающем мире, в процессе развития человеческого общества менялись методы исследования: какие-то прекращали свое существование, на их месте появлялись новые, в свою очередь, сменявшиеся на еще более совершенные. Можно с уверенностью сказать, что именно эта обыденная человеческая деятельность (под которой мы применительно к описываемым периодам подразумеваем обычное любопытство, желание узнать что-то тайное или объяснить непонятное) стала прародительницей целой системы, направленной на установление истины о преступном деянии.

Методология: исторический материализм, диалектика, герменевтика, синергетика, философская концептология.

Выводы. Изучение генезиса возникновения науки криминалистики посредством исследования не только классических, признанных современной наукой источников, а расширение исторической платформы этой исследовательской деятельности, получение новых сведений об исторических предпосылках этой науки, положительно сказываются на формировании личности юриста-криминалиста, на качестве методического обеспечения общественных отношений в период становления профессионализма специалистов, уровне образовательной подготовки и эффективности учебного процесса и правового воспитания тех лиц, которые призваны разрешать эти важнейшие дилеммы.

Научная и практическая значимость. Статья направлена на концептуализацию научно-исследовательской деятельности ученых-криминалистов с точки зрения исторического материализма, синтеза и анализа источников протокриминалистической и протоправоприменительной деятельности начиная с возникновения разумного человеческого общества и до государств древнего мира и как доктринального юридического смыслообразования, которое предполагает анализ исторических источников протокриминалистической деятельности с позиции множества их измерений, придающих развитие пониманию исторических предпосылок возникновения науки криминалистики и ее роли в современном юридическом образовании, и воспитанию социально обоснованного и гуманистически ориентированного характера применения криминалистических знаний в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: криминалистика, преступление, практическая деятельность, изучение окружающего мира, преступные деяния, юриспруденция, первобытные люди, конфликтные ситуации.

Исследование, познание и анализ различных значимых деяний, которые неизбежно происходили в повседневной жизни, были издревле свойственны человеку. Эта деятельность, как утверждают некоторые исследователи, существовала с доисторических времен, пусть и в самых примитивных формах, даже у представителей разумных человекообразных существ — гоминидов¹. С момента появления у человекообразных существ разума и разумной деятельности возникла потребность к изучению окружающего мира и познанию событий, произошедших в прошлом, но взаимосвязанных с событиями в настоящем. Разумеется, основ-

ной интерес для предка современного человека представляли не преступления как таковые (то есть запрещенные законом деяния против общественных ценностей) в силу отсутствия в мировоззрении того периода социально значимой категории «общество», а те действия и события, которые представляли собой источник опасности в первобытном понимании.

Как мы уже сказали, ничто не возникает из ничего. Стремление к предупреждению опасностей древнего мира, разумеется, не стало прообразом криминалистического исследования в его современном понимании. Знание начало формироваться как криминалистическое, то есть целенаправленно и осознанно, имея в качестве цели повышение

¹ См.: Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. М., 1989.

эффективности работы правоохранительной системы, не ранее XIX века. Однако эти формирование и систематизация, анализ и категоризация, структурирование и апробация всегда, в том числе и в настоящий момент, используют опыт иных областей знаний. Именно поэтому в системе отечественной юриспруденции криминалистика относится к числу прикладных юридических наук². А в прежние периоды, до создания криминалистики как науки, значимый опыт возникал из повседневной деятельности и носил бытовой характер.

Способы отыскания информации, фиксация и исследование определенных негативных событий того времени у древних людей были, конечно же, совершенно примитивными. Однако, как и иные навыки, на протяжении тысячелетий такие исследования эволюционировали, претерпевали определенные изменения, а полученный опыт передавался следующим поколениям. По мере накопления и систематизации определенных знаний об окружающем мире, в процессе развития человеческого общества менялись методы исследования: какие-то прекращали свое существование, на их месте появлялись новые, в свою очередь, сменявшиеся на еще более совершенные. Можно с уверенностью сказать, что именно эта обыденная человеческая деятельность (*под которой мы применительно к описываемым периодам подразумеваем обычное любопытство, желание узнать что-то тайное или объяснить непонятное*) стала прародительницей целой системы, направленной на установление истины о преступном деянии.

Находясь в тесном единении с природой, древний человек уже мог определять, каким животным оставлен след, чье орудие найдено на месте нападения, в какую сторону ушел охотник и многое другое. Экстраполяция результатов исследований современных нам первобытнообщинных сообществ (так называемых неконтактных народов³) показывает, что без подобных знаний и умений древний человек не смог бы выжить в суровых условиях своего бытия.

Разумеется, процесс накопления знаний не был осознанным. Можно предположить, что первобыт-

ное человеческое общество в условиях слабых межсоциальных связей, в отсутствие зачаточного регулятора общественных и личностных отношений видело в предшественнике того деяния, что мы сейчас именуем преступлением, исключительно зло, которое необходимо пресечь. Не зря ученые утверждают, что принцип талиона⁴, более известный как «око за око, зуб за зуб», мог зародиться лишь при необходимости сурового выживания в период древних родоплеменных отношений⁵.

Конфликтные ситуации между первобытными людьми разбирались в соответствии с представлениями о справедливом и несправедливом. Основными критериями доказанности совершения проступка было такое его качество, как очевидность, главным образом в глазах и сознании жертвы и в представлении свидетелей. Подтверждали факт совершения деяния устное признание виновного, а также обнаружение на преступнике или при нем материальных следов. Решение о наказании принималось на основании субъективного мнения: на собраниях родоплеменных общин, советов старейшин или посредством отправления первых религиозных обрядов.

Логично, что при подобной системе отправления правосудия основными целями этого «прото-процесса» были месть и расправа, чинимые одними представителями древнего общества над другими с одобрения всех членов группы, рода, племени, вождей или жрецов. Желание отомстить считавшемуся виновным в причинении вреда формировало зачатки морали и нравственности.

Одновременно человечество вступало в период, который философ Жан Гибсер именовал «магической стадией развития»⁶, когда люди не могли объяснить окружающий их мир, и потому часть причин и следствий, те процессы, которые современные криминалисты именуют индукцией и дедукцией, не основывались на диалектическом методе, который, как мы теперь знаем, позволяет криминалисту подойти к предмету своих исследований, как к одному из звеньев в бесконечном ряду последовательно взаимосвязанных явлений действительности⁷. Взаимосвязи в глазах первобытно-

² Эскархопуло А.А. Прикладная криминалистика // Сибирский юридический вестник. 2014. № 1. С. 92–96.

³ В современном мире насчитывается порядка сотни неконтактных народов. В частности, синтенельские племена, проживающие на Андаманских островах, существуют в самоизоляции не менее пятидесяти тысяч лет и до сих пор активно противодействуют любой попытке «цивилизованного» мира установить с ними контакт. Учеными установлено, что им знакомы охота, собирательство и рыболовство, то есть наличествуют начальные поисковые навыки и навыки анализа природных процессов. См. подробнее: Pandit T.N. The Sentinelese. Kolkata: Seagull Books, 1990; Wallace S. The unconquered: In search of the Amazon's last uncontacted tribes. Broadway Books, 2011; Baruzzi R. G. The Kren-Akorore: A recently contacted indigenous tribe // Health and disease in tribal societies. 1977. P. 179–211.

⁴ Корсаков К.В. Карательное право как первая ступень правогенеза // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 21–29.

⁵ См.: Соловьев С.М. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. М., 1850; Калачев Н.В. О значении изгоев и состоянии изгойства в древней Руси // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. М., 1850.

⁶ Mickunas A. An introduction to the philosophy of Jean Gebser // Integral Explorations. 1997. Vol. 4. № 1. P. 1–13.

⁷ См. подробнее: Кривошеин И.Т. Диалектический материализм в формировании мировоззренческой стратегии криминалистики (статья первая) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 11.

го человека были умозрительными, потому и преступления того периода не всегда соотносились с реальными способностями, с действительной картиной причинения вреда. Это магическое мышление будет эволюционировать, но осознание того, что содеянное и его следы должны иметь схожую природу, то есть принцип взаимообусловленности, ляжет в основу процесса раскрытия и расследования лишь в XIX веке. До тех пор не все криминалистические и следственные выводы, даже те, которые отделяет от нас столетие-полтора, будут основаны на материальных следах преступления.

Ученые, исследующие эпоху Древнего мира, говорят о возникновении уже в тот период института особых субъектов, занимавшихся разрешением конфликтов: розыском похищенного имущества и скота, обнаружением виновников, мстью за содеянное, которые передавали свои знания и умения ученикам или наследникам. В частности, исследователи одомашнивания волков и возникновения современных собак утверждают, что процесс доместикации был направлен не только на получение помощника в выслеживании зверя, который бы доверял человеку, но на его обучение, воспитание и передачу этого искусства своим последователям, а также на создание специальных поисковых и охранных пород⁸. При этом служебному собаководству всего лишь около двухсот лет, а психологии животных вряд ли более двадцати⁹.

Однако, как совершенно справедливо заметила в своей книге С.У. Бауэр, археология не дает ответа на вопрос, почему человек поступал так или иначе, а следовательно, мы лишь предполагаем, как действовал «человек неолита», исходя из общей логики человеческих поступков. Потому, когда мы говорим об истории явления, мы должны переходить от стадии «как человек что-то делал», к стадии — «почему он это делал». Доподлинно же установить причины и последствия деятельности в ретроспективе стало возможным лишь после возникновения письменности¹⁰.

Возникнув вместе с государством, древние полицейские органы, помимо расследования, решали практическую задачу наработки методик установления истины и значимых обстоятельств исследуемого события. Мы считаем, что невозможно было сформировать даже зачатки подобной деятельности без поддержки со стороны властной воли, не

важно, в чем такая воля была выражена. Как и сейчас, полицейская (антикриминальная) деятельность была прерогативой государства, потому что вечным вопросом, с которым сталкиваются в том числе современные институты следствия и правосудия, является «почему ты?».

Показательным в этом отношении примером являются известные каждому юристу Законы Хаммурапи — первый полностью доступный человечеству письменный источник нормативно-правового характера. Созданные приблизительно в 1750 году до н.э., они представляют собой первую полностью подтвержденную попытку человека создать кодифицированный свод норм поведения в обществе. Законы Хаммурапи действовали несколько веков и оказали существенное влияние на Месопотамию того периода.

Для криминалистов представляет особенный интерес то, что, во-первых, кодекс содержал в себе нормы как уголовного права, так и уголовного судопроизводства, а во-вторых, что он носил, по сути, светский характер. Для Законов Хаммурапи характерно практически полное отсутствие сакрально-религиозной подоплеку отдельных правовых норм, что, видимо, делает его первым исключительно светским законодательным актом, не основывающимся на понятии греха или на модели табуирования. Помимо этого качества, ученые отмечают еще и необычайно стройную, особенно для законодательного акта четырехтысячелетней давности, систему изложения¹¹.

Стоит отметить, что до создания Законов Хаммурапи Месопотамия знала и иные источники права. Старейшим является свод законов Ур-Намму, созданный приблизительно в 2100–2050 годах до н.э., который от Законов Хаммурапи отличает религиозное объяснение легитимности его норм. Последнее, вероятно, обусловлено тем, что сам Ур-Намму, согласно тексту гимна о нем, признавал свое божественное происхождение и, соответственно, все им содеянное приобретало ту же природу¹².

Еще один источник, скорее всего, положенный в основу Кодекса Хаммурапи, — это Кодекс Липит-Иштара, царя Исина, Шумера и Аккада, написанный приблизительно в 1935–1924 годах до н.э. Он также обожествляет своего создателя, а понятие

⁸ См.: Самар А.П. Собаководство напайцев в XIX — начале XX века // Этнос и природная среда. Владивосток : Дальнаука, 1997. С. 67–80; Колосов П.Н. Доместикация волка или дикой собаки // Наука и образование. 2009. № 2. С. 86–89.

⁹ Первая криминалистическая работа о служебном собаководстве в полиции «Помощник жандарма» была опубликована создателем термина «криминалистика» Гансом Гроссом.

¹⁰ Бауэр С.У. История Древнего мира. В 2 т. Т. 1. М., 2019. С. 11–12.

¹¹ См., напр.: Осадчая Е.В. Сравнительная характеристика процессуальных норм по Законам Ману и по Законам Хаммурапи // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты : сборник статей III Международной научно-практической конференции. Кемерово, 2020. С. 14–18; Шестаков Ю.А. Уголовное и процессуальное право в Законах Хаммурапи и среднеассирийских законах // Роль антикризисных явлений в достижении стабильности общества социально-гуманитарные проблемы современности : сборник научных трудов. Шахты, 2006. С. 97–99.

¹² См. подробнее: Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на Земле. М. : ЗАО Центрполиграф, 2002. 362 с.

правосудия, упомянутое в эпилоге, неотрывно связано с личностью и именем царя. К сожалению, два этих источника практически не сохранились, поэтому значимые для истории уголовных наук выводы, сделанные на их основе, не слишком подробны.

Гораздо более информативны в этом смысле Законы Эшнунны, созданные примерно в тот же период, но обнаруженные археологами практически в полном объеме (59 статей из 61). Из них мы знаем, что уже в XIX веке до н.э. в древних государствах было понятие штрафа как уголовного наказания, что выделялись и признавались опасными такие преступления, как убийство (в том числе раба), похищение, нарушение границ частной собственности.

Для нас, криминалистов, важно следующее. Эти источники показывают, что уже в XXI–XIX веках до н.э. в районе, называемом Месопотамией, возникло и приобрело устойчивый характер определение преступления, а сами преступления представляли собой нарушение наиболее важных для цивилизаций тех времен отношений между людьми. Очевидно, что к числу светских, то есть не нарушающих религиозных (небесных, божественных) законов, относились преступления против жизни, против собственности, против патриархального уклада семейной жизни (Законы Эшнунны предусматривали смертную казнь за похищение дочери). Это так называемые «устойчивые» преступления и, соответственно, устойчивые уголовные запреты, присутствующие в практически изначальном своем значении и в современном уголовном законодательстве всех стран мира. Древние аккадско-шумерские законодатели также выделяли прелюбодетство, ложный донос и лжесвидетельство, телесные повреждения и хищения. В качестве наказаний выступают чаще всего материальное возмещение или штрафы, реже — смертная казнь.

При этом длительность действия нормы права в неизменном виде является значительной: как правило, в пределах династии и до ее смены, а устойчивость формулировок насчитывает века.

Мы также видим, что деяния, именуемые теперь «преступления против государства», то есть государственная измена или шпионаж, еще не подлежали уголовно-процессуальному рассмотрению, хотя само понятие уголовного судопроизводства (правосудия) существовало. Так, Законы Эшнунны содержат прямое указание на то, что обязанность осудить за преступление возложена на царя Билаламу, что, скорее всего, объясняется сравнительно небольшим количеством населения в пределах самого города Эшнунны. При этом мы не знаем, передавалась ли в других городах-государствах функция отправления правосудия окружным наместникам, специально назначаемым царем, институт которых

был впервые создан в Уре. Однако такое сосредоточение уголовного судопроизводства в руках того, чья природа приравнивалась к божественной, позволяет судить о неразвитости процесса расследования как такового. Этот вывод возможен на основе очевидного заключения, что источник божественного правосудия не может ошибаться и ему не требуется веских оснований для принятия решения.

Несмотря на эти несовершенства, уже тогда существовали первые документы, на основе которых субъект, отправляющий правосудие, мог делать выводы, имеющие доказательственное значение. В период с 2094 по 2046 год до н.э. были созданы первые государственные администрации, где специально назначенные чиновники осуществляли бухгалтерский учет доходов в письменном виде, а отчеты о доходах использовались в ходе процессов над теми, кто не соблюдал закон.

По сравнению с предшествующими нормами права, Законы Хаммурапи более информативны. Известно, что в них содержится прототип принципов законности и справедливости, выраженный в формулировке «чтобы сильный не обижал слабого», а также упоминания об использовании и исследовании письменных документов в качестве предметов судебного разбирательства. При этом сами Законы имеют казуистическую форму, что, как полагают некоторые исследователи, связано с необходимостью письменно зафиксировать исключительные случаи отклоняющегося противоправного поведения (то есть, по сути, каждая статья представляет собой прецедент). Поэтому в тексте нет более ожидаемых преступлений, таких как убийство или чародейство. Справедливость видится вечной и неизменной, потому и судопроизводство, как форма установления истины, не всегда предусмотрена.

Потому и доказательства того времени отражают мифическую природу мышления. Талион, ордалии, клятвы именами богов достоверны для древнего судопроизводства, так как нет возможности отделить божественную природу мира от частных проявлений человеческой деятельности. Однако этот факт позволяет нам установить неотъемлемую связь между объяснением законов функционирования мироздания как общим явлением и такой частностью, как криминалистическая деятельность. Эта связь присутствует всегда, на протяжении всего развития института уголовного преследования, в том числе и в настоящее время.

Вторым фактором для возникновения предпосылок антикриминальной деятельности, помимо осознания государством своей обязанности действовать упорядоченно, является бюрократизация — усложнение государственного аппарата. Как мы уже сказали, создание в Уре института на-

значенных наместников, скорее всего, привело к необходимости делегировать функцию отправления правосудия. Чем больше становились территория и население государства, тем сложнее система чиновничьего аппарата и, как следствие, судопроизводство. А потому удается обнаружить большее количество криминалистически значимых примеров деятельности по противодействию преступности и расследованию преступлений.

Это свойственно не только государствам Шумера и Аккада. Сохранились папирусные рукописи (свитки) — полицейские документы Древнего Египта периода власти Птолемея и письменные свидетельства древних римлян с подробными описаниями внешних признаков преступников того времени. Изучив подобные рукописи, немецкий криминалист Р. Гейндль¹³ с удивлением отмечал, что техника описания примет человека у древних египтян была разработана с не меньшей точностью и профессионализмом, чем у Альфонса Бертильона в XIX–XX веках. В древних священных книгах иудеев, христиан, мусульман — Торе (Пятикнижии), Библии, Коране — можно найти описание приемов проведения предварительного расследования: допроса, обыска, опознания и др.¹⁴ В основном это были тактические рекомендации и положения, примитивные эмпирически, основанные на житейском опыте, но уже используемые в рамках существовавших процессуальных процедур¹⁵.

В Законах Ману — правовом памятнике Древней Индии — описаны начала идентификации следов ног человека, животных и др. и разработана тактика этой деятельности. В индийских государствах того периода были составлены довольно подробные рекомендации по тактике проведения до-

проса свидетелей, излагаются правила и конкретные причины, по которым тот или иной свидетель не допускается к свидетельству, методические советы судьям для ведения дела, приводятся даже рекомендации о том, как при помощи внешних признаков определять происходящее в психике свидетеля¹⁶.

В Законах XII таблиц — памятнике древнеримского права того же периода, V в. до н.э., — встречаются упоминания о производстве обыска и тактике его проведения¹⁷. Там же выделяются публичные деликты, то есть преступления против всего римского народа: подстрекательство врага римского народа к нападению на Римское государство или же передача врагу римского гражданина. Законы содержали рекомендации по процедуре доказывания того или иного деликта, однако, к сожалению, полный их текст утерян и о содержании мы можем судить лишь по ссылающимся на них иным источникам.

Античный мир дал современной криминалистике гораздо больше, чем просто отдельные рекомендации. В Древней Греции зародилась современная наука, как способ познания мира, появилась система образования, сформировались арифметика, риторика, диалектика¹⁸. Не удивительно, что, изучая древнегреческое наследие, юристы и криминалисты сосредотачиваются на идеях и концепциях больше, чем на технических решениях. Так, Сократ первым заговорил о профессиональном знании, высказывая мысль, что тот, кто не занимается политикой профессионально, не может рассуждать о ней. Сократический метод ведения спора все так же применяется в процессе доказывания, как тактический прием при проведении допросов, а теория об уравнивании знания и добродетели была положена в XVIII веке в основу классической школы уголовного права и работы Чезаре Беккариа о борьбе с преступностью «Преступления и наказания».

Древняя Греция породила Архимеда и Пифагора, сделавших математику царицей всех наук, а эксперимент — методом познания¹⁹. Греком был Аристотель, назвавший научным методом наблюдение и сформировавший начала логики. Аристотель и Светоний пытались открыть и изучить научные закономерности почерка, имеющие огромное значение для судебного исследования рукописей на подлинность. Научная медицина, медицина врачей, а не шаманов и жрецов, также зародилась в Греции и

¹³ Гейндль Р. Уголовная техника. Из мастерской уголовного розыска. М., 1925. С. 18–19. (Гейндль (Heindl) Роберт — (1883–1958) известный немецкий криминалист, ученый и практик, руководитель службы идентификации и статистики полиции Баварии (ФРГ). — О.К.)

¹⁴ Косарев С.Ю. Расследование преступлений в древности // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2012. № 4. С. 61–62.

¹⁵ См.: Библия, Бытие, гл. 4, 44 и др.; Коран, сура 12 и т.п.; Тора, кн. Ваикра и др.; Римские законы XII таблиц, греческие законы Солона, Русская Правда, Псковская судная грамота, русские Судебник 1497 г. и Соборное Уложение 1649 г.; Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М., 1999; Линовский В. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849; Пахман С. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. М., 1851; Дювернуа Н.Л. Исторические права и суд в древней России. М., 1869; Мэн Г. Древний закон и обычай. М., 1884; Лурье С. Лжесвидетельство по Талмуду // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. Кн. 10. С. 20–42; Сыромятников Б.И. Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа: сборник. Т. 1. М., 1915; Круглов Е.А., Лившиц Л.В. Правовые акты Древнего мира о мерах преодоления противодействия судопроизводству // Южно-Уральские криминалистические чтения: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 9. Уфа, 2001. С. 54–63.

¹⁶ Косарев С.Ю. Указ. соч.

¹⁷ Вап дер Варден Б.Л. Пробуждающаяся наука. Математика древнего Египта, Вавилона и Греции. М.: ГИФМЛ, 1959.

¹⁸ Мочалова И.Н. Концепция научного знания в Ранней Академии // Некоторые проблемы античной науки / ред. А.И. Зайцев, Б.И. Козлов. Л., 1989. С. 77–90.

¹⁹ Гайденко П.П. История греческой философии в ее связи с наукой. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.

отождествляется с именем великого врача и философа Гиппократа.

Можно сделать вывод о том, что в ходе усложнения человеческого общества, обращения исследовательского интереса в сторону человеческого интеллекта и разума, стали появляться способы и средства добычи, исследования доказательств, направленные на раскрытие преступлений и установления обстоятельств их совершения. Потому все эти достижения не имели по-настоящему криминалистического значения. Перечисленное нами — лишь предтеча полицейских наук, а названные государства того периода не отличались сложностью досудебной стадии. Даже Рим, как колыбель европейской юриспруденции, не уделял пристального внимания развитию науки раскрытия и расследования преступлений, сосредотачиваясь на процессе судебного рассмотрения и на деятельности юристов, а не криминалистов и следователей. Эта сосредоточенность на судебной власти отразилась и в римском пантеоне, где богиня Юстиция олицетворяла правосудие, а Эквитас — справедливость.

Благодаря этому без должного внимания отечественных историков криминалистики остались события, свидетельствующие о том, что одновременно с Шумером, Египтом и Грецией на другой стороне евразийского континента формировалась уникальная система государственного управления. Речь идет о Китае, или, вернее, о целой плеяде отдельных государств, расположенных в Древнее время на территории современной Китайской Народной Республики и объединенных в западной истории под этим названием. К истории криминалистики этих стран мы предлагаем вам перейти в следующей части нашего исследования.

Далее речь пойдет о Китае — стране «богатейшей культуры, родине иероглифической письменности, конфуцианства и даосизма, утонченной живописи, изящной поэзии и богатейшего литературного наследия, включая гигантское собрание исторических письменных памятников и сочинений»²⁰. Одна из древнейших цивилизаций, история, которая никогда не прерывалась, в отличие от названных выше государств, давно прекративших свое существование. Этапы развития Китая сменяли один другой, переходя от периодов кризиса, за которыми следовали социально-политические катастрофы, к неизменным новым циклам возрождения, которые известны в истории по фамилиям правящих династий, но цивилизация продолжала развиваться, опираясь на уже достигнутое. Впервые в истории криминалистики мы предпримем попытку проследить ход развития криминалистики Китая

начиная с XVI века до н.э., чтобы наглядно продемонстрировать еще одно достижение, доставшееся человечеству наряду с величайшими открытиями и изобретениями — бумаги и пороха, компаса и книгопечатания, шелка, фарфора и чая, а также продемонстрировать, что вывод о криминалистике как дочери индустриального общества не верен в основе своей.

Л.С. Васильев, рассуждая об истории Китая, отметил, что она «уходит корнями далеко в глубь веков. Длительность и непрерывность ее на протяжении ряда тысячелетий, весьма заметные на фоне истории многих других современных народов, во многом объясняются как мощью историко-культурной традиции, так и спецификой последней... Китай в этом смысле — явление уникальное... Историческая память в этой стране исключительна: зафиксированы мелкие и мельчайшие детали как важных, так и весьма второстепенных событий, веками заботливо хранятся и накапливаются раритеты, вещественные памятники и тексты, вплоть до очень древних»²¹. Китаисты всего мира отмечают, что это страна «интенсивной культуры, которая не оставила ни одного явления жизни в первоначальной форме»²². Государственность и государственное устройство не являются исключением. Начавшись как обычное для тех времен рабовладельческое общество, в котором господствующий класс складывался из светской аристократии, жреческой знати и аристократии подчиненных племен (период Шап-Инь), в следующем периоде Чжоу Китай уже отличала развитая система управления, которую смело можно отнести к бюрократической.

Мы полагаем, что именно эта ориентация на преодоление дуализма между знанием и практическим умением, своеобразная практическая ориентированность целой цивилизации обусловила интерес древней китайской культуры и науки к человеческой личности и человеческой деятельности во всех ее проявлениях. Традиционная китайская мысль видела целью своего развития выявление основных мировоззренческих, нравственных, психологических и социальных атрибутов личности и имплементацию достигнутых результатов в реальную деятельность человека. По сути, Китай первым разделил человека как физического субъекта и человека как личность, создав зачатки классификации, которая в современный период является столь значимой, например, для науки криминологии при изучении взаимодействия преступности с личностью — преступника и жертвы.

Как и Древняя Греция, Китай является одним из центров так называемого «осевого времени» — кон-

²⁰ Непомнин О.Е. История Китая. XX век. М.: Крафт+, 2011. С. 5.

²¹ Васильев Л.С. *Древний Китай*. Т. 1. М., 2015. С. 5.

²² Алексеев В.М. *Китайская народная картина*. М., 1966. С. 102.

цепции, введенной немецким философом Карлом Ясперсом для обозначения периода развития человечества, когда на смену мифологическому мировоззрению пришло философское, сформировавшее тот тип человека, который мы знаем и изучаем сейчас²³. Осевое время Ясперса приходится на период 700–200 годов до н.э., когда в Древнем Китае возникают первые школы и первые течения, сформировавшие в том числе систему уголовного судопроизводства и полицейской деятельности.

Осеое время называют также временем формирования социальных идеалов и социальных представлений. В Китае того периода это вылилось в создание целого перечня философских школ, сосредоточенных на объяснении места человека применительно к государству и государственной власти. Всемирно известен Кун Цзы (Конфуций, 551–479 годы до н.э.) — древнекитайский философ, создавший знаменитое учение о благородном человеке и его роли в управлении людьми, «теорию для будущих губернаторов»²⁴. Однако мало кто знает, что конфуцианство является одной из первых практических психолого-педагогических наук, которая стремилась не столько сформировать концепцию идеального человека, сколько воспитать его в социально-одобряемом поведении, обучить достижению общественно-ценных результатов. Конфуцианство выступало не только в качестве философской основы для идеологического представления о моральном эталоне, но использовалось при характеристике личности. В частности, в судебных протоколах в период до установления единой правящей династии Цинь (до III века до н.э.) исследователям встречаются ссылки на конфуцианские нормы поведения при оценке личности преступника и при назначении ему наказания²⁵.

Иное мнение о человеке, его роли в государстве и о способах воздействия на него и его поведение (в том числе преступное) высказывал оппонент Конфуция, министр-реформатор, создатель Школы легистов Шан Ян в своем трактате «Книга правителя области Шан»²⁶. Используя опыт предыдущих поколений начиная с 356 года до н.э., Шан Ян провел радикальные преобразования гражданской, военной сфер, экономической и правовой деятельности. Именно на основе слияния обоих мировоззрений начиная с эпохи Хань (206 год до н.э.) строилось более позднее законодательство Китая, в том числе уголовное.

²³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1991. С. 32–50.

²⁴ Алексеев В.М. Китайская литература. М., 1978. С. 402.

²⁵ См.: протокол 20 «Кража зерна чиновником и конфуцианские принципы» // Цзоуяньшу (сборник судебных запросов): палеографические документы Древнего Китая. М., 2013. С. 87–89.

²⁶ Шан Ян. Книга правителя области Шан. М.: Рипол, 2018.

В 1975 году в г. Шуйхуди были обнаружены письменные источники — более тысячи бамбуковых дощечек, подтверждающих исторические события, изложенные в девяти томах трактата Шицзи — «Исторических записках» Сыма Цяня, где автор приводит подробные сведения о государственных и правовых реформах Шан Яна. Они свидетельствуют о том, что, помимо прочего, Шан Ян разработал и внедрил в государственное устройство механизм правоохранительной деятельности, направленный на борьбу с любыми противоправными проявлениями. Он установил систему социального доносительства, разбив население на группы (по пять или десять семей), обязал каждого следить друг за другом и взаимно отвечать за их поведение; установил жестокую систему наказания и в противовес ей систему поощрений и освобождения от наказаний. Возникло единообразное управление, при котором общественный порядок отождествлялся с порядком, существовавшим в армии, где команды из пяти человек отвечали за выполнение законов в их собственных подразделениях. В гражданском обществе этот порядок усиливался посредством аппарата чиновников, организованного по строгой иерархической системе.

Шан Ян являлся автором серии законов, доктрина которых изложена в работе «Шан-цзюньшу», написанной, по словам Л.С. Васильева, «в основном в III в. до н.э., через несколько десятилетий после смерти автора... По объему трактат состоит из 26 глав... Практически все главы трактата отличаются выдержанным стилем и строгой логикой... перед нами деловой текст высокопоставленного чиновника с соответствующей аргументацией, логикой изложения и необходимыми выводами»²⁷. Большая часть этого трактата не имеет прямого отношения собственно к криминалистике, но содержание некоторых из них в той или иной степени касалось вопросов расследования преступлений и влияло на организацию этого вида деятельности. Глава 24 трактата касается вопросов борьбы с коррупцией в аппаратах управления и способах ее выявления (предусмотрена система отчетов и проверка их достоверности), необходимости сбора доказательств, дана характеристика личности склонного к коррупционным проявлениям чиновника²⁸.

Древний Китай первой из стран воплотил на практике систему воспитания и образования чиновников, установил систему классовых чинов и карьерную лестницу, способствующую продвижению. Разумеется, разветвленная и сложная система государственных служб не могла обойтись без той части, которая отвечает за борьбу с преступностью

²⁷ Васильев Л.С. Указ. соч. Т. 3. С. 318.

²⁸ Там же.

и отправление правосудия. До нас дошло обширное количество систематизированных трудов правового, процессуального и научного характера, чей анализ позволяет сделать однозначный вывод о существовании в Китае не только зачатков, а хорошо отлаженной и почти безупречно действующей системы раскрытия и расследования преступлений, по сложности ничем не уступающей современным полицейским системам.

Уже в III веке до н.э. в Китае существовало «Циньское руководство по расследованию уголовных преступлений», посвященное методике установления характера совершенного преступления, воссоздания его обстановки путем осмотра места происшествия, допросов свидетелей и родственников потерпевшего, исследования вещественных доказательств, поиска и установления улик, их фиксации, проверки версий и т.п.²⁹ Это руководство не только вызывает интерес с точки зрения его исторического значения, но и в полной мере отвечает современным представлениям о криминалистике.

В перечне ранних рекомендаций следует упомянуть знаменитый древнекитайский трактат «Искусство войны», написанный Сунь Цзы³⁰ более 2500 лет тому назад, где в систематизированном виде не только изложены вопросы тактики и методики установления различных обстоятельств прошлых событий, но и раскрыты основы оперативно-розыскной деятельности, которые актуальны до сих пор и активно изучаются государственными чиновниками как в современном Китае, так и в других странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

К первой целенаправленной регламентации основ оперативно-розыскной деятельности следует отнести упомянутые выше трактаты Шан Яна, содержащие сведения об установлении системы слежки и доносов посредством специально созданной агентурной сети. В этих сводах нормативно закреплены принципы коллективной обязанности следить за соблюдением законов (то есть за совершением преступлений) и коллективной ответственности за их нарушение, в том числе за недоносительство.

Введенная Шан Яном система контроля носила повсеместный характер, контроль за поведением каждого подданного государства был постоянным и полным, а принципы регулирования стали основой системы правопорядка. Эффективность императивной запретительной нормы, которая в представлении легистов была основой функционирования и незыблемости государственной вла-

сти, обеспечивалась не только гласно, то есть указами и законами, объявляемыми повсеместно, но и негласно. Негласная оперативно-розыскная деятельность была направлена на пресечение любых незаконных действий и помыслов, которые в те времена воспринимались исключительно как преступление против государственных устоев, выраженных в нормативно-правовой форме властного распоряжения.

В известном памятнике по истории законодательства и судебной деятельности Цзоуяньшу (сборнике судебных запросов) содержится любопытная информация о том, как проходила процедура расследования преступлений до IX века н.э. Благодаря этому древнему труду мы знаем, что в Китае периода Сражающихся царств³¹ уже существовали служащие, исполняющие полицейские функции на постоянной основе, профессиональный отбор которых осуществлялся на конкурсной основе, что способствовало высокому уровню профессионализма.

Целый ряд источников права, содержащих криминалистически значимые рекомендации, был найден недалеко от Юньмэня в захоронениях чиновников периода Цинь. Среди них «Восемнадцать статутков», где детально регламентированы правила поведения чиновников и содержатся инструктивные указания о выполнении ими своих обязанностей. Второй из обнаруженных законов интересен тем, что он представляет собой криминалистическую методику по предупреждению, выявлению и расследованию хищений: это «Правила проверки», которые включают в себя требования к содержанию государственных хранилищ, ведению учета, сохранности имущества, выявлению недостатков. Третий, известный как «Прочие правила», конкретизирует положения первых двух. Следующий, называемый «Ответы на вопросы относительно правовых актов династии Цинь», включает в себя толкование юридических понятий и терминов, разъясняет порядок выполнения определенных действий. Пятый, так же как и второй, содержит рекомендации криминалистического характера, которые, по своей сути, представляют собой методику расследования преступлений и тактику проведения отдельных следственных действий, именуемый «Порядок опечатывания и расследования»³².

Свидетельством того, что уже в столь ранний период времени полицейские чиновники Древнего Китая осуществляли следственные и розыскные действия в соответствии с разработанной тактикой и методикой их проведения, может служить и текст протокола 22 из «Сборника судебных запро-

²⁹ См.: Хрестоматия по истории Древнего Востока / под ред. М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузицина. Ч. 2. М., 1980.

³⁰ Сунь Цзы — полководец, стратег и мыслитель, живший в VI веке до н.э., период царства Ци, автор знаменитого трактата «Искусство войны». — О.К.

³¹ Считается с V века до н.э. до объединения Китая императором Цинь Шихуанди в 221 году до н.э.

³² Льюис М.Э. Империя Древнего Китая. М.: Центрполиграф, 2016. С. 317.

сов» — «Ограбление и искусное дознание»³³, в котором описывается методика расследования разбойного нападения в 241 году до н.э. Проанализировав его текст, как и ряд других, мы выяснили, что проводившие расследование древние чиновники действуют так же, как рекомендуется действовать современным сотрудникам правоохранительных органов.

Так, процедуру расследования рекомендовалось начинать с допроса потерпевшего, в ходе которого уточнялись все детали происшествия, а также посредством уточняющих вопросов устранялись сомнения в возможности заведомо ложного допоса. Далее проводится осмотр орудия совершения преступления, а его признаки подробно описываются в протоколе расследования, и осмотр места происшествия, где собираются иные материальные доказательства. После этого назначенные для проведения расследования служащие переходят к поисковым мероприятиям: проводится поиск и опрос возможных очевидцев, подворовый обход, а когда эти мероприятия не дают результата, объявляется всеобщий розыск. В протоколе упоминается цель проведения всех этих мероприятий: установление круга лиц, у которых были причины и возможности для совершения преступления.

При проведении опросов и допросов служащие используют тактические приемы и способы, позволяющие установить факт преступной осведомленности. А после того как был обнаружен подозреваемый, его идентификация проводится в ходе процедуры опознания по установленным правилам: по признакам внешности, с описанием индивидуальных особенностей, а также путем сбора свидетельских показаний о принадлежности ему или иному другому лицу орудия совершения преступления, которое было найдено на месте нападения. Все действия при проведении расследования тщательно фиксируются в протоколе.

Из текстов Сборника известно, что полицейские чиновники того периода использовали методы индукции и дедукции, владели навыками логического мышления, следовали установленному порядку проведения следственных действий с максимальной эффективностью.

В протоколах также есть признаки применения технических знаний, хотя тогда они еще не носили специального экспертного характера (например, протокол 19³⁴, где описаны методы, применяемые в трасологии). Поисковые действия проводятся в последовательности от меньшего к большему (от частного к общему), с увеличением охвата.

Так, в протоколе 22 расследование начинается с опроса свидетелей, проживавших рядом с местом происшествия, далее переходят к опросу тех, кто был осведомлен о наличии денег у потерпевшей и только после этого объявляется всеобщий розыск.

Очевидно, что полицейские того периода имеют представление о преступной осведомленности, они осуществляют проверку показаний потерпевших и свидетелей посредством допросов иных лиц и перекрестных допросов с целью установления их достоверности, а также посредством проведения очных ставок (протоколы 16, 17, др.³⁵).

Изученные нами протоколы по своей форме и содержанию сопоставимы с современными обвинительными актами: излагаются основания для производства расследования, вслед за тем полученные доказательства с изложением их содержания, их анализ и выводы об обстоятельствах, признанных установленными, тем самым формулируется обвинение. Завершают каждый протокол виды наказаний, назначаемых за содеянное.

Китайский историограф династии Хань Сыма Цянь (около 145 года до н.э. — около 86 года до н.э.) в своем фундаментальном труде по общей истории Китая «приводил сведения о процедурах расследования и рассмотрения дел в суде, описывал правила сбора и исследования доказательств. Необходимо иметь в виду, что его исследовательская работа охватывала более чем две с половиной тысячи лет реальной истории страны. То есть по отношению к нашему времени речь идет о событиях более чем четырехтысячелетней давности. Также следует знать, что эта работа не имеет ничего общего с мифологически-повествовательным жанром или придворными хрониками. Это в полной мере научный труд, при написании которого автор использовал письменные источники: отчеты чиновников, законы, труды ученых (в том числе подверг серьезному анализу работы Конфуция). Именно поэтому его работа является подлинной и уникальной историографией, на основе которой возможно делать выводы и более узкоспециализированного характера, в частности относительно развития криминалистики.

В этой связи применительно ко всем известным письменным древнекитайским источникам (а не только правовым) следует обратиться к исследованиям Л.С. Васильева, который всегда особо отмечал достаточно высокую достоверность этих текстов, обусловленную тем, что «уже самые ранние китайские историки-профессионалы были людьми долга, ...в силу своего высокого профессионализма, важнейшим элементом которого было соответствие нормативной традиции»³⁶.

³³ Цзоуяньшу (Сборник судебных запросов) : палеографические документы Древнего Китая. М., 2013. С. 94.

³⁴ Там же. С. 84.

³⁵ Там же. С. 65–83.

³⁶ Васильев Л.С. Указ. соч. Т. 1. С. 7.

Сохранилось достаточное количество юридических документов времен династии Цинь, которые содержат самые подробные сведения о правоохранительной деятельности в целом, о раскрытии и расследовании преступлений с детальной регламентацией каждого оперативно-розыскного или следственного действия. Ни в одном из исторических памятников, кроме Китая, мы не нашли подобных источников. Так, «Образцы опечатывания помещений и ведения расследований» не только содержат подробные инструкции на этот счет, но и включают в себя законодательно установленные формы процессуальных документов, таких как протоколы осмотра места преступления, протоколы допроса, опознания, сопоставления показаний (того, что у нас является очной ставкой).

Изучение памятников истории уголовного права и судебной процедуры в Китае позволяет нам сделать вывод о несомненной взаимосвязи происходивших там процессов государственного и правового развития с формированием и развитием криминалистики именно как науки о раскрытии и расследовании преступлений и иных прикладных полицейских наук. Мы полагаем, что столь существенное (почти тысячелетнее) опережение по времени создания криминальной полиции и криминальных наук в конфуцианской Юго-Восточной Азии по сравнению с государствами Европы вызвано ранним формированием представления о бюрократических функциях и компетенции, а также возникновением системы обучения, аттестации и профессиональной градации государственных служащих.

Отпечатки пальцев чиновников времен династии Цинь (III век до н.э.) найдены на документах и государственных печатях³⁷, а свидетельства иностранных торговцев в Китае периода Тан (851 год) показывают, что отпечаток больших пальцев сторон обязательно проставлялся на ссудных контрактах³⁸. Использование отпечатков пальцев, а не подписей в документах, было связано с точным знанием неповторимости и уникальности папиллярных узоров. Такая традиция в странах с иероглифическим письмом сохраняется до сих пор и по другой важной причине — недостаточного почерковедческого своеобразия и идентификационных возможностей, особенностей письма.

Помимо отпечатков пальцев, полицейские службы Китая издревле пользовались системами описания преступника по внешним признакам, в том числе для розыска. Например, в захоронениях из Юньмэня обнаружено «Руководство по лов-

ле воров», в котором описывается, как по внешним признакам определить преступника.

Система переписи и учета населения также включала в себя словесный портрет, что можно отнести к первым в истории человечества попыткам создать систему идентификации населения. В администрации династии Хань чиновники, которые были ответственны за ежегодный учет населения, составляли реестры, где учитывали «численность мужчин и женщин в каждом дворе, их имя, возраст, место рождения, достоинство (общественное положение), описание внешности, материальное положение и др.»³⁹. Эти реестры использовались и при идентификации лиц в случае возникновения сомнения в личности.

В целом Китай отличается в большим количеством памятников рекомендательного (методического) характера, которые специально применяются при расследовании преступлений. К ним относятся, например, раннеханьский сборник Цюаньшю — «Ответы на вопросы о преступлениях», известный еще как «Сборник судебных вопросов» из Чжанцзяшаня (206 год до н.э.), который был обнаружен в одном из захоронений провинции Хубэй, близ Шуйхуди. Сборник содержит подробные сведения, позволяющие судить о развитии законодательства и судебной системы эпохи Хань, о процессе подготовки профессиональных кадров, которым после обучения доверялось проведение расследования и рассмотрения судебных дел. Часть этого сборника составляют судебные запросы по сложным судебным делам. Существенную часть занимают юридические тексты, содержащие образцы правильного ведения расследования и системы допросов в суде.

По своей сути, это достаточно эффективные и профессионально-значимые для того времени (причем как с научной, так и с практической точки зрения) криминалистические рекомендации алгоритмического характера. В частности, рекомендации по тактике проведения осмотра места происшествия и осмотра трупа с привлечением судебно-медицинского эксперта вполне применимы и для настоящего времени. Все подобные алгоритмические рекомендации были обусловлены практической значимостью. В Китае достаточно рано убийства и самоубийства придавались особое значение, так как самоубийство не считалось чем-то необычным или греховным, а рассматривалось обществом как мужественный поступок⁴⁰. Именно таким образом, исходя из сложившейся традиции, следовало наказывать обидчиков. Самоубийца был уве-

³⁷ Cummins H. Ancient finger prints in clay // Journal of Criminal Law and Criminology. 1941. Vol. 32. №. 4. P. 468–481.

³⁸ Cole S.A. Suspect identities: A history of fingerprinting and criminal identification. Harvard University Press, 2009.

³⁹ Переломов А.С. Ранняя Цинь — централизованное государство в Китае (221–206 гг. до н.э.). М.: Восточная литература, 1992. С. 65.

⁴⁰ Lindell K. Stories of suicide in Ancient China: An essay on Chinese morals // Acta Orientalia. 1973. Vol. 35. P. 74–74.

рен, что тем самым он порицает совершенные в отношении него неправомерные действия и наносит вред своему противнику⁴¹, а также обеспечивает своей семье полное возмещение убытков (за счет виновного) и почести на похоронах. По этой причине самоубийство часто совершалось на воротах, во дворе, или даже внутри дома обидчика. В обязательном порядке самоубийца оставлял записку, в которой указывал причины своей смерти. В некоторых случаях, как указывают исследователи, он делал эту запись прямо у себя на теле, чтобы сведения об этом не были случайно утрачены или умышленно уничтожены⁴². Поэтому при осмотре любого трупа судебные медики искали записки в одежде или на теле.

Действия виновного, послужившие причиной самоубийства, расценивались как преступление (доведение до самоубийства) и наказывались в предусмотренном законом порядке. В отношении него избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу, проводилось расследование, в ходе которого он должен был представить доказательства своей невиновности.

Особый научный интерес с точки зрения криминалистики представляет относящийся к тому же периоду сборник «Фэнчжэньши», или «Формуляры опечатывания и допроса», обнаруженный при раскопках близ Шуйхуди в захоронении циньского чиновника Си. Сборник содержит стандартные формуляры допроса преступников, свидетелей, осмотра места совершения преступления, описи имущества арестованных, являющиеся аналогами современных бланков процессуальных документов. Формуляры в Китае использовались для стандартизации чиновничьего документооборота, благодаря чему можно сделать вывод о том, что уже тогда было понятно значение единообразного подхода при совершении процессуальных действий и закреплению их результатов.

На основе всего сказанного очевидно, что отмечаемая историками и археологами традиция фиксировать и обобщать практические знания, создавая на их основе стандартные формы для широкого внедрения в практическую деятельность, зародились в Китае задолго до новой эры и не являлись особенностью какого-то отдельного древнекитайского государства. Такой подход к созданию научно-методических рекомендаций в любых сферах деятельности привел к созданию древнейших из известных нам сборников по обобщению судебной и следственной практики, причем наличие как об-

щих, так и локальных памятников подобного рода показывает, что эта традиция должна быть определена как системный подход в организации уголовного судопроизводства.

В литературе по исследованию истории криминалистики наиболее часто упоминаются деятельность и работы чиновника Сун Цы — выдающегося ученого и специалиста в области судебной медицины времен династии Сун⁴³. Благодаря работе Сун Цы мы знаем, что методические рекомендации по расследованию убийств и причинению вреда здоровью существовали в Китае и до него. При написании своей работы он опирался на предшествующие труды, например, на самый ранний из известных текстов по судебной медицине анонимного автора X века «Нэйшулу» («Сочувствующие записи») и на составленный в 951 году Хэ Нином и Хэ Мэном «Сборник невыясненных дел».

На основе трактата Сун Цы были написаны многочисленные работы по судебной медицине, а также комментарии и толкования к самому тексту «Сиюаньцилу»: в 1308 году «Записи о судебной непогрешимости» Ван Юя; целый ряд работ XVII века, как то: «Комментарии и толкования к «Отчетам о снятии несправедливых обвинений» Ван Кэньтана, «Свод материалов о снятии несправедливых обвинений» Цзэн Шэньчжая, «Дополненные «Отчеты о снятии несправедливых обвинений» авторства главы департамента в ведомстве наказаний Ван Миндэ; в 1694 году опубликованы «Отчеты о снятии несправедливых обвинений» официального комитета законов; в 1796 году — «Подтверждения «Отчетов о снятии несправедливых обвинений» Ван Юху; в 1827 году — «Поправки к «Отчетам о снятии несправедливых обвинений» Цю Чжунжуна и «Дополнения к «Руководству по судебной медицине» Шэнь Цзябэня. Руководство было переведено на корейский и японский языки, то есть приобрело международную значимость.

На этих примерах мы видим, что составление практических рекомендаций для расследования преступлений в Китае носило систематический характер, наличествовала методология исследования и его преемственность. Это свидетельствует о существовании криминалистики и до периода индустриализации, а также позволяет сделать вывод о зависимости криминалистики от признания нужды в научно-методическом обеспечении той или иной функции государства. Последнее справедливо не только для уголовной отрасли, поскольку подобные же рекомендации составлялись в Китае на

⁴¹ Meng L. Rebellion and revenge: The meaning of suicide of women in rural China // International Journal of Social Welfare. 2002. Vol. 11. №. 4. P. 300–309.

⁴² Fong G. Signifying bodies: the cultural significance of suicide writings by women in Ming-Qing China // Nan nū. 2001. Vol. 3. №. 1. P. 105–142.

⁴³ Asen D. Song Ci (1186–1249) Father of World Legal Medicine: History, Science, and Forensic Culture in Contemporary China // East Asian Science, Technology and Society: an International Journal. 2017. Vol. 11. №. 2. P. 185–207.

протяжении всей его истории и в других отраслях деятельности: от сельского хозяйства до процедур дворцового церемониала.

На основе всего сказанного очевидно, что отмечаемая историками и археологами традиция фиксировать и обобщать практические знания, создавая на их основе стандартные формы для широкого внедрения в практическую деятельность, зародились в Китае задолго до новой эры и не являлись особенностью какого-то отдельного древнекитайского государства. Такой подход к созданию научно-методических рекомендаций в любых сферах деятельности привел к созданию древнейших из известных нам сборников по обобщению судебной и следственной практики, причем наличие как общих, так и локальных памятников подобного рода показывает, что эта традиция должна быть определена как системный подход в организации уголовного судопроизводства.

Кроме того, всегда стоит помнить, что криминалистика — наука прикладная, а значит, ее изменения вызывает прежде всего наличие той или иной практической проблемы в деятельности следователя, то есть казус. Этот казус, в свою очередь, прямо произведен от эволюции преступности и преступления, потому между криминологией и криминалистикой, на наш взгляд, общего куда больше, чем между криминалистикой и уголовным правом. В силу этой казуальной прикладной природы криминалистика не может быть наукой сугубо теоретической, ведь ее развитие определяется практическими потребностями: ситуациями, возникающими в процессе расследования; конкретными деяниями, истину о совершении которых необходимо установить. Эта связь неразрывна и очевидна, особенно на примерах эволюции европейской и отечественной криминалистики, с которыми мы предлагаем вам ознакомиться далее.

Литература

1. Алексеев В.М. Китайская литература : избранные труды / В.М. Алексеев ; автор вступительной статьи Л.З. Эйдлин. Москва : Наука, 1978. 595 с.
2. Алексеев В.М. Китайская народная картина : Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях / В.М. Алексеев ; предисловие Б.Л. Рифтина, М.Л. Рудовой ; комментарий Б.Л. Рифтина. Москва : Наука, 1966. 260 с.
3. Бауэр С.У. История Древнего мира. В 2 томах. Т. 1 / С.У. Бауэр ; перевод с английского В. Гончарова. Москва : АСТ, 2019. 478 с.
4. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики / Р.С. Белкин. Москва : Норма, 1999. 486 с.
5. Ван дер Варден Б.Л. Пробуждающаяся наука. Математика древнего Египта, Вавилона и Греции / Б.Л. Ван дер Варден ; перевод с голландского и замечания И.Н. Веселовского. Москва : Физматгиз, 1959. 459 с.
6. Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 1. Предыстория. Шань-Инь, Западное Чану (до VIII в. до н. э.) / Л.С. Васильев. Репринтное издание. Москва : Университетская книга, 2015. 377 с.
7. Гайденко П.П. История греческой философии в ее связи с наукой / П.П. Гайденко. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Либроком, 2009. 262 с.
8. Гейндль Р. Уголовная техника. Из мастерской уголовного розыска / перевод с немецкого ; под редакцией П.И. Люблинского. Москва : Право на жизнь, 1925. 23 с.
9. Дювернуа Н.Л. Исторические права и суд в древней России : Опыт по истории русского гражданского права / Н.Л. Дювернуа. Москва : Университетская тип., 1869. 413 с.
10. Калачев Н.В. О значении изгоев и состоянии изгойства в древней Руси / Н.В. Калачев // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. Москва : В тип. Александра Семена, 1850. Кн. 1. 518 с.
11. Колосов П.Н. Доместикация волка или дикой собаки / П.Н. Колосов // Наука и образование. 2009. № 2. С. 86–89.
12. Корсаков К.В. Карательное право как первая ступень правогенеза / К.В. Корсаков // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 21–29.
13. Косарев С.Ю. Расследование преступлений в древности / С.Ю. Косарев // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2012. № 4. С. 61–62.
14. Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на Земле / С. Крамер. Москва : Центрполиграф, 2002. 362 с.
15. Кривошеин И.Т. Диалектический материализм в формировании мировоззренческой стратегии криминалистики (статья первая) / И.Т. Кривошеин // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 11 (62). С. 100–105.
16. Круглов Е.А. Правовые акты Древнего мира о мерах преодоления противодействия судопроизводству / Е.А. Круглов, Л.В. Лившиц // Юль-Уральские криминалистические чтения : межвузовский

- сборник научных трудов / Л.Л. Каневский [и др.]. Уфа : Изд-во Башкирского университета, 2001. Вып. 9. С. 54–63.
17. Линовский В. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В. Линовский. Одесса : тип. Л. Нитче, 1849. 262 с.
 18. Лурье С. Лжесвидетельство по Талмуду / С. Лурье // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. Кн. 10. С. 20–42.
 19. Льюис М.Э. Империи Древнего Китая: от Цинь к Хань: великая смена династий / М.Э. Льюис ; перевод с английского С.А. Белоусова. Москва : Центрполиграф, 2016. 413 с.
 20. Мочалова И.Н. Концепция научного знания в Ранней Академии / И.Н. Мочалова // Некоторые проблемы истории античной науки : сборник научных работ / ответственные редакторы А.И. Зайцев, Б.И. Козлов ; редактор-составитель Л.Я. Жмудь. Ленинград : ГАО, 1989. С. 77–90.
 21. Мэн Г. Древний закон и обычай : исследование по истории древнего права / сэра Г.С. Мэн ; перевод с английского А. Аммона и В. Дерюжинского ; под редакцией М. Ковалевского. Москва : Юридический вестник, 1884. 312 с.
 22. Непомнин О.Е. История Китая XX век / О.Е. Непомнин. Москва : Крафт+, 2011. 736 с.
 23. Осадчая Е.В. Сравнительная характеристика процессуальных норм по Законам Ману и по Законам Хаммурапи / Е.В. Осадчая // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты : материалы III Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 25 января 2020 г.) : сборник научных статей / научный руководитель Л.В. Липунова. Кемерово : КемГУ, 2020. С. 14–18.
 24. Пахман С. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии / С. Пахман. Москва : Университетская тип., 1851. 212 с.
 25. Переломов Л.С. Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае (221–202 гг. до н.э.) / Л.С. Переломов. Москва : Восточная литература, 1962. 244 с.
 26. Самар А.П. Собаководство нанайцев в XIX — начале XX века / А.П. Самар // Этнос и природная среда : сборник статей / ответственный редактор В.А. Тураев. Владивосток : Дальнаука, 1997. С. 67–80.
 27. Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности / Л.Д. Самыгин. Москва : Изд-во МГУ, 1989. 182 с.
 28. Соловьев С.М. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие / С.М. Соловьев // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. Москва : В тип. Александра Семена, 1850. Кн. 1. 518 с.
 29. Сыромятников Б.И. Очерк истории суда в древней и новой России / Б.И. Сыромятников // Судебная реформа / под редакцией Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского ; при ближайшем участии М.Н. Гернета, А.Э. Вормса, Н.К. Муравьева и А.Н. Паренного. Москва : Объединение, 1915. Т. 1. 381 с.
 30. Хрестоматия по истории Древнего Востока / Э.А. Грантовский, Г.Ф. Ильин, А.А. Вигасин, М.В. Крюков ; под редакцией М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузищина. Ч. 2. Москва : Высшая школа, 1980. 254 с.
 31. Цзоуяньшу (Сборник судебных запросов): палеографические документы древнего Китая / издание текста, перевод с китайского, вступительная статья, комментарий, приложения М.В. Королькова // Памятники письменности Востока / председатель редколлегии Б.Г. Гафуров. Москва : Восточная литература, 2013. С. 87–89.
 32. Шан Я. Книга правителя области Шан / Я. Шан. Москва : Рипол, 2018. 421 с.
 33. Шестаков Ю.А. Уголовное и процессуальное право в Законах Хаммурапи и среднеассирийских законах / Ю.А. Шестаков // Роль антикризисных явлений в достижении стабильности общества : социально-гуманитарные проблемы современности : сборник научных трудов / редакторы: А.П. Германович, Н.И. Филиппенко, Е.Л. Шилкина [и др.]. Шахты : Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса, 2006. С. 97–99.
 34. Эксархопуло А.А. Прикладная криминалистика / А.А. Эксархопуло // Сибирский юридический вестник. 2014. № 1. С. 92–96.
 35. Ясперс К. Смысл и назначение истории : перевод с немецкого / К. Ясперс ; вступительная статья П.П. Гайденоко. Москва : Республика, 1991. 527 с.
 36. Asen D. Song Ci (1186–1249) Father of World Legal Medicine: History, Science, and Forensic Culture in Contemporary China / D. Asen // East Asian Science, Technology and Society: an International Journal. 2017. Vol. 11. № 2. P. 185–207.
 37. Baruzzi R.G. The Kren-Akorore: A recently contacted indigenous tribe / R.G. Baruzzi // Health and disease in tribal societies (Ciba Foundation symposium) / CIBA Foundation Staff. Elsevier Excerpta Medica. North-Holland, 1977. P. 179–211.

38. Cole S.A. Suspect identities: A history of fingerprinting and criminal identification / S.A. Cole. Harvard University Press, 2009. 382 p.
39. Cummins H. Ancient finger prints in clay / H. Cummins // Journal of Criminal Law and Criminology. 1941. Vol. 32. № 4. P. 468–481.
40. Fong G. Signifying bodies: the cultural significance of suicide writings by women in Ming-Qing China / G. Fong // Nan nü. 2001. Vol. 3. № 1. P. 105–142.
41. Lindell K. Stories of suicide in Ancient China: An essay on Chinese morals / K. Lindell // Acta Orientalia. 1973. Vol. 35. P. 74–74.
42. Meng L. Rebellion and revenge: The meaning of suicide of women in rural China / L. Meng // International Journal of Social Welfare. 2002. Vol. 11. № 4. P. 300–309.
43. Mickunas A. An introduction to the philosophy of Jean Gebser / A. Mickunas // Integral Explorations. 1997. Vol. 4. № 1. P. 1–13.
44. Pandit T.N. The Sentinelese / T.N. Pandit. Kolkata : Seagull Books, 1990. 53 p.
45. Wallace S. The unconquered: In search of the Amazon's last uncontacted tribes / S. Wallace. Broadway Books, 2011. 528 p.

References

1. Alekseev V.M. Kitayskaya literatura : izbranny`e trudy` [Chinese Literature : selected works] / V.M. Alekseev ; avtor vstupitel'noy statyi L.Z. Eydlin. Moskva : Nauka — introductory article by L.Z. Eydlin. Moscow : Science, 1978. 595 s.
2. Alekseev V.M. Kitayskaya narodnaya kartina: Dukhovnaya zhizn starogo Kitaya v narodny`kh izobrazheniyakh [The Chinese Popular Painting: The Spiritual Life of Old China in Popular Images] / V.M. Alekseev ; predislovie B.L. Riftina, M.L. Rudovoy ; kommentariy B.L. Riftina. Moskva : Nauka — foreword by B.L. Riftin, M.L. Rudova ; commentary by B.L. Riftin. Moscow : Science, 1966. 260 s.
3. Bauer S.W. Istoriya Drevnego mira. V 2 tomakh. T. 1 [The History of the Ancient World. In 2 Volumes. Vol. 1] / S.W. Bauer ; perevod s angliyskogo V. Goncharova. Moskva : AST — translation from English by V. Goncharov. Moscow : AST, 2019. 478 s.
4. Belkin P.S. Istoriya otechestvennoy kriminalistiki [The History of Russian Criminalistics] / P.S. Belkin. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 1999. 486 s.
5. Van der Waerden B.L. Probuzhdayushchaya nauka. Matematika drevnego Egipta, Vavilona i Gretsii [Science Awakening: Egyptian, Babylonian and Greek Mathematics] / B.L. Van der Waerden ; perevod s gollandskogo i zamechaniya I.N. Veselovskogo. Moskva : Fizmatgiz — translation from Dutch and notes by I.N. Veselovskiy. Moscow : State Publishing House of Physical and Mathematical Literature, 1959. 459 s.
6. Vasilyev L.S. Drevniy Kitay. T. 1. Predy`storiya, Shan-In, Zapadnoe Chzhou (do VIII v. do n. e.) [Ancient China. Vol. 1. Prehistory, Shang Yin, the Western Zhou (before the VIII Century B.C.)] / L.S. Vasilyev. Reprintnoe izdanie. Moskva : Universitetskaya kniga — Reprinted edition. Moscow : University Book, 2015. 377 s.
7. Gaydenko P.P. Istoriya grecheskoy filosofii v ee svyazi s naukoy [The History of the Greek Philosophy and Its Interconnection with Science] / P.P. Gaydenko. 3-e izd., ispr. i dop. Moskva : Librokom — 3rd edition, revised and enlarged. Moscow : Librokom, 2009. 262 s.
8. Heindl R. Ugolovnaya tekhnika. Iz masterskoy ugolovnogo rozy`ska [The Technique of Criminal Investigation. From the Criminal Investigation Workshop] / perevod s nemetskogo ; pod redaktsiyey P.I. Lyublinskogo. Moskva : Pravo na zhizn — translation from German ; edited by P.I. Lyublinskiy. Moscow : Right to Life, 1925. 23 s.
9. Duvernois N.L. Istoricheskie prava i sud v drevney Rossii: Opy`ty` po istorii russkogo grazhdanskogo prava [Sources of Law and Court in Ancient Russia: Essays in History of Russian Civil Law] / N.L. Duvernois. Moskva : Universitetskaya tip. — Moscow : University Printing Office, 1869. 413 s.
10. Kalachev N.V. O znachenii izgoev i sostoyanii izgoystva v drevney Rusi [On the Meaning of Outlaws and the State of Being an Outlaw in Ancient Rus] / N.V. Kalachev // Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedeniy, otnosyaschikhsya do Rossii, izdavaemy`y N. Kalachovy`m. Moskva : V tip. Aleksandra Semena, 1850. Kn. 1 — Archive of Historical and Legal Data Related to Russia, published by N. Kalachov. Moscow : Aleksandr Semen's printing office, 1850. Book 1. 518 s.
11. Kolosov P.N. Domestikatsiya volka ili dikoy sobaki [Domestication of a Wolf or a Wild Dog] / P.N. Kolosov // Nauka i obrazovanie — Science and Education. 2009. № 2. S. 86–89.
12. Korsakov K.V. Karatelnoe pravo kak pervaya stupen pravogeneza [The Right to Punish as the First Step of the Origination of Right] / K.V. Korsakov // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2016. № 11. S. 21–29.

13. Kosarev S.Yu. Rassledovanie prestupleniy v drevnosti [Investigation of Crimes in the Ancient Times] / S.Yu. Kosarev // Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii — Bulletin of the Saint Petersburg Juridical Academy. 2012. № 4. S. 61–62.
14. Kramer S. Shumery`. Pervaya tsivilizatsiya na Zemle [The Sumerians: Their History, Culture and Character] / S. Kramer. Moskva : Tsentrpoligraf — Moscow : Central Printing Office, 2002. 362 s.
15. Krivoshein I.T. Dialekticheskiy materializm v formirovanii mirovozzrencheskoy strategii kriminalistiki (statya pervaya) [Dialectic Materialism in the Establishment of the Worldview Strategy of Criminalistics (article one)] / I.T. Krivoshein // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta — Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. 2006. № 11 (62). S. 100–105.
16. Kruglov E.A. Pravovy`e akty` Drevnego mira o merakh preodoleniya protivodeystviya sudoproizvodstvu [Legal Acts of the Ancient World on Measures of Overcoming Resistance to Judicial Proceedings] / E.A. Kruglov, L.V. Livshits // Yuzhno-Uralskie kriminalisticheskie chteniya : mezhvuzovskiy sbornik nauchny`kh trudov / L.L. Kanevskiy [i dr.]. Ufa : Izd-vo Bashkirskogo universiteta, 2001. Vy`p. 9 — South Ural Criminalistic Readings : inter-university collection of scientific works / L.L. Kanevskiy [et al.]. Ufa : Publishing house of the Bashkir University, 2001. Issue 9. S. 54–63.
17. Linovskiy V. Opy`t istoricheskikh rozy`skaniy o sledstvennom ugolovnom sudoproizvodstve v Rossii [The Experience of Historical Studies of Investigative Criminal Proceedings in Russia] / V. Linovskiy. Odessa : tip. L. Nitche — Odessa : L. Nitche's printing office, 1849. 262 s.
18. Lurye S. Lzhesvidetelstvo po Talmudu [Perjury According to Talmud] / S. Lurye // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovno go prava. 1890. Kn. 10 — Civil and Criminal Law Journal. 1890. Book 10. S. 20–42.
19. Lewis M.E. Imperii Drevnego Kitaya: ot Tsin k Khan: velikaya smena dinastiy [The Early Chinese Empires: Qin and Han] / M.E. Lewis ; perevod s angliyskogo S.A. Belousova. Moskva : Tsentrpoligraf — translation from English by S.A. Belousov. Moscow : Central Printing Office, 2016. 413 s.
20. Mochalova I.N. Kontseptsiya nauchnogo znaniya v Ranney Akademii [The Concept of Scientific Knowledge in the Old Academy] / I.N. Mochalova // Nekotory`e problemy` istorii antichnoy nauki : sbornik nauchny`kh rabot / otvetstvenny`e redaktory` A.I. Zaytsev, B.I. Kozlov ; redaktor-sostavitel L.Ya. Zhmud. Leningrad : GAO — Some Issues of the History of the Ancient Science : collection of scientific works / publishing editors A.I. Zaytsev, B.I. Kozlov ; compiling editor L.Ya. Zhmud. Leningrad : GAO, 1989. S. 77–90.
21. Maine H. Drevniy zakon i oby`chay : issledovanie po istorii drevnego prava [Dissertations on Early Law and Custom] / sir H.S. Maine ; perevod s angliyskogo A. Ammona i V. Deryuzhinskogo ; pod redaktsiey M. Kovalevskogo. Moskva : Yuridicheskiy vestnik — translation from English by A. Ammon and V. Deryuzhinskiy ; edited by M. Kovalevskiy. Moscow : Legal Bulletin, 1884. 312 s.
22. Nepomnin O.E. Istoriya Kitaya. XX vek [The History of China. XX Century] / O.E. Nepomnin. Moskva : Kraft+ — Moscow : Kraft+, 2011. 736 s.
23. Osadchaya E.V. Sravnitel'naya kharakteristika protsessualny`kh norm po Zakonom Manu i po Zakonom Khammurapi [Comparative Characteristics of Procedural Provisions under the Laws of Manu and the Laws of Hammurabi] / E.V. Osadchaya // Yurisprudentsiya v teorii i na praktike: aktualny`e voprosy` i sovremennyy`e aspekty` : materialy` III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Penza, 25 yanvarya 2020 g.) : sbornik nauchny`kh statey / nauchny`y rukovoditel L.V. Lipunova. Kemerovo : KemGU — Jurisprudence in Theory and Practice: Relevant Issues and Modern Aspects : files of the III international scientific and practical conference (Penza, January 25, 2020) : collection of scientific articles / academic supervisor L.V. Lipunova. Kemerovo : KemsU, 2020. S. 14–18.
24. Pakhman S. O sudebny`kh dokazatelstvakh po drevnemu russkomu pravu, preimuschestvenno grazhdanskomu, v istoricheskom ikh razvitii [On Court Evidence under the Ancient Rus Laws, Predominantly Civil, in Its Historical Development] / S. Pakhman. Moskva : Universitetskaya tip. — Moscow : University Printing Office, 1851. 212 s.
25. Perelomov L.S. Imperiya Tsin — pervoe tsentralizovannoe gosudarstvo v Kitae (221–202 gg. do n.e.) [The Qin Empire: The First Centralized State in China (221 to 202 B.C.)] / L.S. Perelomov. Moskva : Vostochnaya literatura — Moscow : Oriental Literature, 1962. 244 s.
26. Samar A.P. Sobakovodstvo nanaytsev v XIX — nachale XX veka [Dog Breeding by the Nanais in the XIX to the Early XX Century] / A.P. Samar // Etnos i prirodnaya sreda : sbornik statey / otvetstvenny`y redaktor V.A. Turaev. Vladivostok : Dalnauka — Ethnos and the Environment : collection of articles / publishing editor V.A. Turaev. Vladivostok : Dalnauka, 1997. S. 67–80.
27. Samygin L.D. Rassledovanie prestupleniy kak sistema deyatelnosti [Investigation of Crimes as a System of Activities] / L.D. Samygin. Moskva : Izd-vo MGU — Moscow : MSU publishing house, 1989. 182 s.
28. Solovyev S.M. Ocherk nraov, oby`chaev i religii slavyan, preimuschestvenno vostochny`kh, vo vremena yazy`cheskie [A Sketch of Customs, Traditions and Religion of the Slavs, Predominantly the East Slavs, in the Pagan Times] / S.M. Solovyev // Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedeniy, otnosyashchikhsya do Rossii,

- izdavaemy`y N. Kalachovy`m. Moskva : V tip. Aleksandra Semena, 1850. Kn. 1 — Archive of Historical and Legal Data Related to Russia, published by N. Kalachov. Moscow : In Aleksandr Semen's printing office, 1850. Book 1. 518 s.
29. Syromyatnikov B.I. Ocherk istorii suda v drevney i novoy Rossii [A Sketch of the History of Court in Ancient and New Russia] / B.I. Syromyatnikov // Sudebnaya reforma / pod redaktsiyey N.V. Davy`dova i N.N. Polyanskogo ; pri blizhayshe uchastii M.N. Gerneta, A.E. Vormsa, N.K. Muravyeva i A.N. Parenogo. Moskva : Obyedinenie, 1915. T. 1 — Judicial Reform / edited by N.V. Davydov and N.N. Polyanskiy ; in close participation of M.N. Gernet, A.E. Vorms, N.K. Muravyev and A.N. Pareny. Moscow : Association, 1915. Vol. 1. 381 s.
 30. Khrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka [An Anthology of the History of the Ancient East] / E.A. Grantovskiy, G.F. Ilyin, A.A. Vigasin, M.V. Kryukov ; pod redaktsiyey M.A. Korostovtseva, I.S. Katsnelsona, V.I. Kuzischina. Ch. 2. Moskva : Vy`sshaya shkola — edited by M.A. Korostovtsev, I.S. Katsnelson, V.I. Kuzischin. Part 2. Moscow : Higher School, 1980. 254 s.
 31. Tszouyanshu (Sbornik sudebny`y zaprosov): paleograficheskie dokumenty` drevnego Kitaya [Zouyanshu (Collection of Legal Cases): Paleographic Documents of Ancient China] / izdanie teksta, perevod s kitayskogo, vstupitelnaya statya, kommentariy, prilozheniya M.V. Korolkova // Pamyatniki pismennosti Vostoka / predsedatel redkollegii B.G. Gafurov. Moskva : Vostochnaya literatura — text publication, translation from Chinese, introductory article, commentary, annexes by M.V. Korolkov // Ancient Oriental Manuscripts / chairman of the editorial board B.G. Gafurov. Moscow : Oriental Literature, 2013. S. 87–89.
 32. Shang Y. Kniga pravatelya oblasti Shan [The Book of Lord Shang] / Y. Shang. Moskva : Ripol — Moscow : Ripol, 2018. 421 s.
 33. Shestakov Yu.A. Ugolovnoe i protsessualnoe pravo v Zakonakh Khammurapi i sredneassiriyskikh zakonakh [Criminal and Procedural Law in the Laws of Hammurabi and the Middle Assyrian Laws] / Yu.A. Shestakov // Rol antikrizisny`kh yavleniy v dostizhenii stabilnosti obschestva: sotsialno-gumanitarny`e problemy` sovremennosti : sbornik nauchny`kh trudov / redaktery` : A.P. Germanovich, N.I. Filippenko, E.L. Shilkina [i dr.]. Shakhty` : Yuzhno-Rossiyskiy gosudarstvenny`y universitet ekonomiki i servisa — The Role of Anti-Crisis Phenomena in the Achievement of Stability of the Society: Socio-Humanitarian Issues of the Modern Times : collection of scientific works / editors : A.P. Germanovich, N.I. Filippenko, E.L. Shilkina [et al.]. Shakhty` : South Russian State University of Economics and Service, 2006. S. 97–99.
 34. Eksarkhopulo A.A. Prikladnaya kriminalistika [Applied Criminalistics] / A.A. Eksarkhopulo // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik — Siberian Legal Bulletin. 2014. № 1. S. 92–96.
 35. Jaspers K. Smy`sl i naznachenie istorii : perevod s nemetskogo [The Origin and Goal of History : translation from German] / K. Jaspers ; vstupitelnaya statya P.P. Gaydenko. Moskva : Respublika — introductory article by P.P. Gaydenko. Moscow : Republic, 1991. 527 s.
 36. Asen D. Song Ci (1186–1249) Father of World Legal Medicine: History, Science, and Forensic Culture in Contemporary China / D. Asen // East Asian Science, Technology and Society: An International Journal. 2017. Vol. 11. № 2. S. 185–207.
 37. Baruzzi R.G. The Kren-Akorore: A Recently Contacted Indigenous Tribe / R.G. Baruzzi // Health and Disease in Tribal Societies (Ciba Foundation Symposium) / CIBA Foundation Staff. Elsevier Excerpta Medica. North-Holland, 1977. S. 179–211.
 38. Cole S.A. Suspect Identities: A History of Fingerprinting and Criminal Identification / S.A. Cole. Harvard University Press, 2009. 382 s.
 39. Cummins H. Ancient Finger Prints in Clay / H. Cummins // Journal of Criminal Law and Criminology. 1941. Vol. 32. № 4. S. 468–481.
 40. Fong G. Signifying Bodies: The Cultural Significance of Suicide Writings by Women in Ming-Qing China / G. Fong // Nan nü. 2001. Vol. 3. № 1. S. 105–142.
 41. Lindell K. Stories of Suicide in Ancient China: An Essay on Chinese Morals / K. Lindell // Acta Orientalia. 1973. Vol. 35. S. 74–74.
 42. Meng L. Rebellion and Revenge: The Meaning of Suicide of Women in Rural China / L. Meng // International Journal of Social Welfare. 2002. Vol. 11. № 4. S. 300–309.
 43. Mickunas A. An Introduction to the Philosophy of Jean Gebser / A. Mickunas // Integral Explorations. 1997. Vol. 4. № 1. S. 1–13.
 44. Pandit T.N. The Sentinelese / T.N. Pandit. Kolkata : Seagull Books, 1990. 53 s.
 45. Wallace S. The Unconquered: In Search of the Amazon's Last Uncontacted Tribes / S. Wallace. Broadway Books, 2011. 528 s.

DOI: 10.18572/1813-1190-2020-9-39-44

Российское законодательство о чрезвычайных экологических ситуациях: изменение парадигмы*

Жаворонкова Наталья Григорьевна,

заведующая кафедрой экологического и природоресурсного права

Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина,

доктор юридических наук, профессор

Gavoron49@mail.ru

Агафонов Вячеслав Борисович,

профессор кафедры экологического и природоресурсного права

Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина,

профессор кафедры горного, земельного и экологического права

Российского государственного университета нефти и газа

(национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина,

доктор юридических наук

Vagafonoff@mail.ru

Цель. Анализ государственной политики и стратегии в сфере правового обеспечения защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного, техногенного и биологического характера, исследование практики деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации в сфере реализации законодательства о чрезвычайных экологических ситуациях в условиях нарастающих по экспоненте экологических, техногенных и биологических угроз и рисков, формулирование теоретических выводов и практических рекомендаций по совершенствованию действующего экологического законодательства и практики его применения.

Методология: в качестве научно-познавательных инструментов и приемов использованы общенаучные методы (диалектический, логический), а также частнонаучные методы (технико-юридический, сравнительно-правовой).

Использование общенаучных методов позволило исследовать основные правовые категории в области чрезвычайных ситуаций, выявить сущность и специфику рассматриваемых явлений и процессов применительно к Российской Федерации, получить объективную информацию о современном состоянии объекта исследования и сформулировать научно-обоснованные прогнозы о перспективах его развития;

Применение междисциплинарных (частных) методов позволило провести комплексный анализ правового регулирования отношений в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, выявить структурные взаимосвязи и взаимозависимости между элементами рассматриваемых правоотношений.

Выводы. По результатам проведенного анализа действующего законодательства Российской Федерации о чрезвычайных ситуациях формулируется ряд выводов, согласно которым в настоящее время в условиях нарастающих экологических, техногенных и биологических рисков отсутствует единая систематизированная нормативная правовая основа, позволяющая выявить, учесть, определить и классифицировать все возможные признаки и условия отнесения тех или иных рисков и угроз к чрезвычайной ситуации.

В связи с этим, по мнению авторов, следует изменить подход к пониманию сущности и специфики чрезвычайной экологической ситуации. Чрезвычайные экологические ситуации включают в себя не только и не столько «природный» фактор, но и климатический, биологический (эпидемиологический, информационный, технологический), в совокупности их следует рассматривать через призму риска, угрозы, потенциального ущерба, состояния механизмов биоразнообразия и равновесия в природной системе.

Для достижения целей по приоритетным направлениям государственной политики в области обеспечения безопасности населения и защищенности критически важных и потенциально опасных объектов необходимо совершенствовать нормативную правовую базу, более широко использовать риск-ориентированный подход, обеспечить внедрение методологии оценки экологических, техногенных и биологических угроз и рисков.

Научная и практическая значимость. Научная значимость статьи заключается в подготовке комплексных предложений по совершенствованию государственной политики и стратегии в сфере правового обеспечения защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного, техногенного и биологического характера, повышению эффективности применения экологического законодательства в области чрезвычайных экологических ситуаций.

Практическая значимость статьи определяется тем, что предварительные выводы и рекомендации могут быть использованы в законотворческом процессе при подготовке предложений по совершенствованию действующего законодательства, а также в учебном процессе при проведении занятий лекционного и семинарского типа по курсу «Экологическое право».

Ключевые слова: экологическое законодательство, окружающая среда, парадигма, национальная безопасность, государственная политика, экологическое развитие, чрезвычайные ситуации, экологическая безопасность, биологическая безопасность, экологические угрозы, биологические риски.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14034/19.

Понятие парадигмы включает в себя изменение модели регулирования, общие параметры правового поля, в котором прослеживается отличный от прежнего порядок правоприменения и взаимодействия различных факторов. «Чрезвычайная ситуация» как правовой феномен практически всегда связана с ущербом населению и окружающей природной среде.

В ранее действовавшем Законе РСФСР от 19 декабря 1991 года «Об охране окружающей природной среды» «зоны чрезвычайной экологической ситуации определялись как участки территории Российской Федерации, где в результате хозяйственной и иной деятельности происходят устойчивые отрицательные изменения в окружающей среде, угрожающие здоровью населения, состоянию естественных экологических систем — генетических фондов растений и животных»¹. Определение уже было изначально противоречиво в основе, так как необходимо было уточнить понятие «устойчивое» и «отрицательное изменение», был неясен смысл перечисления в одном ряду «угроз здоровью населения и состоянию экологических систем», поскольку критерии в данном случае совершенно разные.

Данное определение, как и многие другие, достаточно условно и, в свою очередь, потребовало бы новых комментариев, например, следовало дополнительно раскрыть такие термины, как «опасное явление», «порождено силами природы» и т.д.

Поэтому нет большого смысла делать акценты на точности современных формулировок «чрезвычайная ситуация». В юридическом смысле важно не перечислить варианты чрезвычайной ситуации (любая классификация условна и подвержена ситуативным изменениям), а определить сущность, заключенную в определении «чрезвычайная» и «ситуация». Относительно экологического содержания чрезвычайные ситуации — это события (процессы, случаи, обстоятельства), зафиксированные и определенные как выходящие за рамки «нормальности» и грозящие или приведшие к негативным последствиям для человека, его жизненным интересам и природы. Степень и виды «чрезвычайности» — отдельный вопрос правовой дефиниции, в разной мере соотносимый с реальными процессами деградации природных сообществ и/или отношением к экологическим проблемам в обществе.

Пример аварии (разлив 29 мая 2020 года 20000 т нефтепродуктов в бассейны рек Амбар-

ная и ее приток Далдыкан, впадающих в Карское море, общая площадь загрязнения составила более 180 000 кв. м) в Норильске показывает, что и определение ситуации как «чрезвычайной», и скорость реакции власти, и определение ущерба, и выбор мер реагирования (в том числе степени вины и ответственности) во многом зависят не от закона, а от реакции общества. Законы об охране окружающей среды, чрезвычайных ситуациях, документы стратегического планирования не дают четкого и однозначного ответа касательно условий, с высокой долей вероятности приводящих к чрезвычайным ситуациям (слишком много переменных), тем более об оценке ущерба и ликвидации последствий. Следует также учесть простой факт действия времени — от даты принятия законов (норм права) до факта события чрезвычайной ситуации. Появление новых технологий, крупных и сверхкрупных объектов промышленности и строительства, концентрация селитебных зон, усложнение инфраструктуры — все, что в совокупности усложняет экономику и производство, в той или иной мере является условием для возникновения чрезвычайных ситуаций все большего масштаба с непредсказуемыми последствиями для человека и окружающей среды.

Например, пандемия коронавируса COVID-19 никем не была предсказана и классифицирована как чрезвычайная экологическая (биологическая) ситуация глобального масштаба, но ее прямые и косвенные последствия выходят далеко за рамки законов о чрезвычайных ситуациях, хотя бы в смысле глобальности политических, экономических, социальных, экологических, иных последствий. Поэтому необходим новый взгляд на чрезвычайные ситуации, прежде всего в силу неразделенности экологических и, условно, промышленных аварий и катастроф. Сложно представить крупную чрезвычайную ситуацию без экологических последствий. По сути, юридическая наука нуждается в осмыслении новой парадигмы «чрезвычайности» или «безопасности», что в целом приводит к мысли о пределах и условиях выживания и процветания человека в парадигме высоких рисков аварий и катастроф.

Во временном Порядке установления зон экологического бедствия, зон чрезвычайных ситуаций зоны чрезвычайной экологической ситуации определялись как «участки территории Российской Федерации, где в результате хозяйственной и иной деятельности происходят устойчивые отрицательные изменения в окружающей природной среде, угрожающие здоровью населения, состоя-

¹ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 10. Ст. 457.

нию естественных экологических систем, генетических фондов растений и животных, приостановка и предотвращение которых невозможны только за счет организационно-управленческого потенциала и материально-финансовых ресурсов данной территории»². Данное определение также не точно, поскольку не отражает суть проблемы, состоящей не только и не столько в «устойчивых отрицательных изменениях», а, скорее, в резком, катастрофичном, внезапном изменении свойств территории как особенного биоценоза, включающего в себя и людей, и природное равновесие.

Чрезвычайные ситуации экологического характера вызываются не только воздействием измененной окружающей среды, состояния почв, недр, ландшафта и проявляются в оползнях, обвалах, массовой гибели рыбы, переполнении хранилищ промышленными и бытовыми отходами, но и, как показала недавняя практика, климатическими, медицинскими, эпидемиологическими и другими факторами.

Но, на наш взгляд, понятие чрезвычайных экологических ситуаций с учетом реального знания о состоянии биосферы и принципах взаимодействия природы и человека гораздо шире. Чрезвычайные экологические ситуации следует рассматривать через призму настоящего и будущего экологического риска, угрозы, потенциального ущерба, состояния механизмов биоразнообразия и равновесия в природной системе.

Изменения в окружающей среде происходят постоянно и чаще всего являются антропогенными, но только часть из них приводят к чрезвычайным последствиям. Например, климатические, биогенные угрозы по своей сути — потенциальные чрезвычайные экологические ситуации³.

Ранее в российском законодательстве одновременно существовали две формулы «чрезвычайности»: «чрезвычайная экологическая ситуация» и «зоны экологического бедствия». Эти нормы впервые были закреплены в Законе РСФСР от 19 декабря 1991 года «Об охране окружающей природной среды». Так, в статье 59 Закона было дано определение понятия «экологические бедствия», а в статье 58 — определение понятия «чрезвычайная экологическая ситуация». Кроме того, в статье 85 Закона при формулировании перечня объектов экологических преступлений на-

ряду с экологическим правопорядком, окружающей средой и здоровьем человека указывалась и экологическая безопасность.

На наш взгляд, необходимо вернуться к этим двум определениям, расширив и уточнив их «зону правового регулирования». Нас особенно интересует качество правового регулирования с точки зрения эффективности управления, предупреждения наиболее долговременных и разрушительных для здоровья людей и экономики последствий. В конце концов, объявление или необъявление режима чрезвычайной ситуации, зоны бедствия, карантина, других специальных мер — это всего лишь формы реагирования, всех интересует не форма, а результат, эффективность деятельности государства в наиболее сложные периоды.

Вопросы новой эколого-правовой парадигмы в условиях высокого риска чрезвычайных ситуаций обсуждались давно. Частично они связаны с концепцией (критериями) эффективности государственного управления. В Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012) понятие эффективности государственного управления определяется сквозь призму экологического развития посредством:

- оценки эффективности деятельности органов государственной власти (включая состояние окружающей среды и экологической безопасности, на основе системы объективных показателей и индикаторов);

- повышения эффективности государственного экологического надзора;

- внедрения в систему управления качеством окружающей среды методологии определения и оценки экологических рисков с целью повышения обоснованности принятия управленческих решений⁴.

К сожалению, следует констатировать, что большинство таких важных, доктринальных положений в документах стратегического планирования, как приведенные выше, не были выполнены. Задача юридической науки как раз и состоит в том, чтобы актуализировать именно тему чрезвычайных экологических ситуаций и придать этой теме новое, современное звучание, включающее ранее не используемые критерии, как, например, пандемия или климатические изменения.

Отметим, что краеугольным началом оценки эффективности деятельности органов государственной власти названо «состояние окружающей

² Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс. Проф».

³ См.: Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Теоретико-методологические проблемы правового обеспечения экологической, биосферной и генетической безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации // *Lex russica (Русский закон)*. 2019. № 9 (154). С. 96–108.

⁴ Доступ из СПС «КонсультантПлюс. Проф».

среды и экологической безопасности», а определение и оценка экологических рисков — важнейший критерий эффективности качества окружающей среды.

Именно с этих фундаментальных позиций нужно рассматривать использование риск-ориентированного подхода как часть (ответ) на возросшие случаи чрезвычайных ситуаций и появление управленческих инноваций⁵. Разработка и внедрение методологии оценки экологических рисков и оценка угроз, как части механизма управления, не исключает, а предполагает наличие и использование всего правового и экономического арсенала управления в сфере природопользования. Методология риск-ориентированного подхода, в том числе в случае чрезвычайных экологических ситуаций, дает новый источник (способ) прогнозирования, предупреждения, организации эффективного природопользования.

Согласно Основам государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года, утвержденным Указом Президента РФ от 11 января 2018 года № 12, «государственная политика Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций является частью системы государственного управления в сфере национальной безопасности Российской Федерации и представляет собой совокупность мер, направленных на предупреждение или локализацию чрезвычайных ситуаций, а также на максимально возможное снижение угрозы жизни и здоровью граждан от поражающих факторов при чрезвычайных ситуациях и размеров ущерба от них»⁶.

Заметим, что по приведенному определению чрезвычайная ситуация — это в первую очередь «угроза жизни и здоровью» людям. Для оценки «чрезвычайности» (экологии в широком понимании) это лишь одна сторона проблемы, другая сторона — угроза природе. Здесь действуют другие законы, другие «методы лечения», другие механизмы «генерации». По сути, как свидетельствуют многочисленные примеры от аварии в Чернобыле до пандемии 2020 года COVID-19, простой «уход» человека из зоны уже произошедшей аварии означает восстановление экологического рав-

новесия на новом уровне регуляции и стимулирование определенного мутагенеза.

Но в правовом аспекте «чрезвычайная экологическая ситуация» — это в первую очередь ущерб прямой, косвенный, явный и скрытый, накопленный и действующий природе во всей ее совокупности элементов и качеств и ее отдельным компонентам, прямой и или опосредованный как ущерб населению и экономике.

Для правильного выявления признаков чрезвычайной экологической ситуации необходимо обратиться к безопасности, угрозам, рискам, ущербам и как они понимаются в нормативных правовых актах, где сказано, что «основными угрозами, влияющими на состояние защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, являются:

а) стихийные бедствия, в том числе вызванные глобальным изменением климата, активизацией геофизических и космических процессов;

б) техногенные аварии и катастрофы, в том числе вызванные ухудшением состояния объектов инфраструктуры, а также возникшие вследствие пожара или стихийного бедствия;

в) особо опасные инфекционные заболевания людей, животных и растений, в том числе связанные с увеличением интенсивности миграционных процессов и повышением уровня урбанизации»⁷.

Соглашаясь с определением (формулой) «угроз», хотелось добавить следующее: практически не указан основной источник угроз — человеческая деятельность. Все климатические, природные, техногенные, иные ситуации — лишь последствия человеческой деятельности, почти все инфекционные заболевания в той или иной мере относимы к человеческой деятельности. Персонализация «угроз» и факторов риска поможет более точно установить пределы ответственности и механизм борьбы с ними.

Факторы угроз или факторы риска — это «возникновение или изменение условий для реализации событий, следствием наступления которых может стать причинение вреда для населения и/или окружающей среды. Зачастую событие, следствием которого может стать чрезвычайная ситуация, может быть обусловлено не одним, а несколькими факторами»⁸.

При этом факторы экологического риска могут быть осознаваемыми и неосознаваемыми, управляемыми и неуправляемыми, локальными, глобальными, прогнозируемыми и т.д. Важно учесть

⁵ См.: Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Теоретико-методологические проблемы формирования риск-ориентированного подхода при государственном надзоре в экологическом законодательстве // Юридическое образование и наука. 2019. № 3. С. 30–33.

⁶ СЗ РФ. 2018. № 3. Ст. 515.

⁷ Там же.

⁸ Базовая модель определения критериев и категорий риска (утв. протоколом заседания проектного комитета от 31.03.2017 № 19 (3)) // СПС «КонсультантПлюс».

не их классификацию, а потенциальную опасность и степень локализации.

Теория и методология выявления, оценки, управления экологическими рисками достаточно подробно описана в целом ряде работ и широко применяется на практике, в частности, путем ОВОС — оценки воздействия на окружающую среду, экологической экспертизы, создания норм ПДК, ПДВ, ПДЭН и других экологических и научно-технических, технологических нормативов.

Еще один из принципиальных недостатков правового регулирования о чрезвычайных экологических ситуациях (в том числе о экологической безопасности): отсутствие таких простых и обязательных условий правоприменения любого законодательства — прав, обязанностей, ответственности, атрибутивности, финансовых и организационных полномочий органов, принимающих решения.

Все фазы определения, установления, оценки, принятия решений об «опасности» (экологической и биологической прежде всего) — это затраты и еще раз затраты. Любые решения, связанные с обеспечением безопасности, это огромные «инвестиции», которые могут быть как эффективными, так и совершенно неэффективными. Поэтому в нормативные акты о чрезвычайных экологических ситуациях необходимо внести оценку не только опасностей и угроз, но и методику расчета величины потерь для экономики.

Следует понять, что обеспечение «нормальности» жизнедеятельности, экологической безопасности, устранение угроз чрезвычайных экологических ситуаций — еще и высоко маржинальный бизнес, в котором заняты миллионы человек и тысячи специализированных организаций. Поэтому говорить лишь об одной стороне — обеспечении экологической безопасности, не затрагивая другую сторону — потери от мер по безопасности, нельзя в принципе. Правовое регулирование в настоящее время в большинстве случаев сводится к ужесточению регулятивной функции государства, а следовательно, к определенным потерям для экономических субъектов и появлению все новых возможностей для «экологического бизнеса».

В бюджете есть статьи, посвященные обеспечению национальной безопасности, но нет статей по экологической безопасности и вероятным экологическим чрезвычайным ситуациям в преломлении к их эффективности. Нет и ежегодных сведений об эффективности экологической безопасности и введении специальных режимов.

В этом случае непонятно соотношение принятых мер по обеспечению безопасности населения и территории и потерь от этих мер. Ключевым моментом для принятия / непринятия режима чрезвычайной ситуации, например, по пандемии коронавируса COVID-19 явилась неготовность существующей государственной системы управления к объективной и полной оценке последствий и рисков.

На наш взгляд, любая чрезвычайная (экстремальная) ситуация экологического, техногенного и биологического характера внезапна, быстротечна, быстро превращается из локальной в глобальную, законодательство о чрезвычайных ситуациях должно быть максимально конкретным, понятным, логичным, соответствовать целям и задачам по предотвращению ущерба жизни и здоровья людей, предоставляющим населению возможность выживания и применения всех доступных средств и возможностей для нейтрализации последствий.

Для достижения понятных и реальных целей по приоритетным направлениям государственной политики в области обеспечения безопасности населения и защищенности критически важных и потенциально опасных объектов от угроз различного характера необходимо совершенствовать нормативную правовую базу, обеспечить гармонизацию законодательства Российской Федерации на основе принципов экологической и биологической безопасности и доктрины национальной безопасности.

В целом по итогам настоящего исследования можно сформулировать следующие выводы и предложения.

1. Предварительные итоги пандемии коронавируса COVID-19 и авария разлива мазута в Норильске показали, что необходим новый подход и юридически точное определение «чрезвычайной экологической ситуации», в том числе с учетом глобального характера последствий крупных аварий и катастроф. Это определение должно включать не только «безопасность человека», но и более широкий набор критериев, относимых к биоразнообразию, ущербу прямому и косвенному, риску последствий и угроз будущим поколениям.

2. В Федеральные законы от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» внести следующие новации — единые и непротиворечивые понятия «чрезвычайные экологи-

гические ситуации антропогенного характера», «территория экологического бедствия», «зона повышенного экологического риска», «зона потенциальной опасности», «источник повышенной экологической опасности», «природно-климатическая угроза».

В свою очередь, определение «зоны чрезвычайной ситуации» требует расширения и функционального содержательного включения в него таких терминов, как «зоны экологического бедствия», «потенциально опасная территория» (с разбивкой по категориям опасности потенциального экологического риска), «зоны глобального равновесия», «зоны высокой неопределенности». Зонирование по степени риска возникновения чрезвычайной экологической ситуации должно сопровождаться соответствующими поправками в проектную, градостроительную, инвестиционную документацию.

3. В целом экологическое равновесие, экологическая безопасность становятся все более уязвимыми и трудноопределяемыми величинами не только в силу новых технологических и производственных возможностей людей, но в силу экономической доминанты развития, традиционности (инерции) правового регулирования, других факторов. Поэтому с учетом итогов пандемии

COVID-19 необходим пересмотр рисков самого экономического развития.

Подготовка и обсуждение новой эколого-экономической парадигмы, актуализированной как следствие чрезвычайных ситуаций с глобальными последствиями, призваны не только решать проблемы чрезвычайных экологических ситуаций, но прежде всего изменить экономически детерминированный подход к развитию.

4. Законодательство и правоприменительная практика в области чрезвычайных ситуаций в настоящее время сосредоточена на пожарах, разливах рек, техногенных авариях. Не разрушая созданную систему борьбы с чрезвычайными ситуациями, на наш взгляд, следует подготовить и принять специальные законы о чрезвычайных экологических ситуациях, экологически опасных зонах, территориях, условиях и порядке действий в случае экологической опасности.

Также целесообразно разработать и утвердить новое Положение о «Критериях оценки и зонировании территорий с точки зрения потенциально опасных территорий для выявления зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия», с учетом географического, природно-климатического, производственного, инфраструктурного, иного характера.

Литература

1. Жаворонкова Н.Г. Теоретико-методологические проблемы правового обеспечения экологической, биосферной и генетической безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации / Н.Г. Жаворонкова, В.Б. Агафонов // Lex russica (Русский закон). 2019. № 9 (154). С. 96–108.
2. Жаворонкова Н.Г. Теоретико-методологические проблемы формирования рискориентированного подхода при государственном надзоре в экологическом законодательстве / Н.Г. Жаворонкова, Ю.Г. Шпаковский // Юридическое образование и наука. 2019. № 3. С. 30–33.
3. Экологическое право : учебник / М.М. Бринчук. 4-е изд. Москва : Эксмо, 2010. 668 с.

References

1. Zhavoronkova N.G. Teoretiko-metodologicheskie problemy` pravovogo obespecheniya ekologicheskoy, biosfernoy i geneticheskoy bezopasnosti v sisteme natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [Theoretical and Methodological Issues of the Legal Support of Environmental, Biosphere and Genetic Security in the National Security System of the Russian Federation] / N.G. Zhavoronkova, V.B. Agafonov // Lex russica (Russkiy zakon) — Lex russica (Russian Law). 2019. № 9 (154). S. 96–108.
2. Zhavoronkova N.G. Teoretiko-metodologicheskie problemy` formirovaniya riskorientirovannogo podkhoda pri gosudarstvennom nadzore v ekologicheskom zakonodatelstve [Theoretical and Methodological Issues of the Establishment of a Risk-Oriented Approach to State Supervision over Environmental Laws] / N.G. Zhavoronkova, Yu.G. Shpakovskiy // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka — Legal Education and Science. 2019. № 3. S. 30–33.
3. Ekologicheskoe pravo : uchebnik [Environmental Law : textbook] / M.M. Brinchuk. 4-e izd. Moskva : Eksmo — 4th edition. Moscow : Eksmo, 2010. 668 s.

Master Programs of the Department of Criminalistics of the Law Faculty of the MSU: The Status and Development Prospects (on the 70th Anniversary of the Department Establishment)

Komarov Igor M., Head of the Department of Criminalistics of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, LL.D., Professor, mgu.ikomarov@mail.ru

Makhtaev Makhtay Sh., Professor of the Department of Criminalistics of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, LL.D., mahtaev@mail.ru

Dzhumanbetova Altynay A., Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, PhD (Law), altinay@bk.ru

Kryukova Evgenia S., Teaching Assistant of the Department of Criminalistics of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, zkrukova@mail.ru

The purpose of the article is to generalize and consider the features of the organization of the educational process and the teaching of disciplines as part of the master's programs of the Department of Forensic Science of the Law Faculty of Moscow State University. **Methodology:** dialectics, comparison, analysis, system research method. **Conclusions:** the article substantiates the need for further improvement of master's programs in the preparation of lawyers. The organization of such training by the Department of Forensic Science of the Faculty of Law of MSU is analyzed. Unique developments and directions of further work and improvement of the organization of practice-oriented training are noted. **Scientific and practical significance.** The experience of the Department of Forensic Science MSU can be used in other universities in Russia to organize the educational process of the second stage of education, and to train popular and highly qualified lawyers.

Keywords: forensic science, Moscow State University, graduate school, legal education.

Doctrinal and Legal Bases of the Legal Liability and Relevant Issues of Implementation on the Law Enforcement Level

Avdeeva Olga A., Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, LL.D., Associate Professor, Avdeeva_O_A@mail.ru

Avdeev Vadim A., Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Yugra State University, LL.D., Professor, vadim.avdeevich@mail.ru

Purpose. Disclose current areas of research of conceptual provisions related to the implementation of legal liability in the context of modern problems of law enforcement, due to the improvement of the legal regulation of public and private legal tort in view of the sectoral approach to the evaluation of criteria and grounds for subjective rights and legal obligations. **Methodology:** the research is based on general scientific, special scientific and special methods of scientific knowledge, including dialectical, logical, system-structural, formal legal, comparative legal and other methods of knowledge. **Conclusions.** Insufficient development of institutions of legal responsibility in the theoretical and legal doctrine in terms of establishing exact criteria for the relationship between sectoral, material and procedural, private and public-legal tort means is one of the reasons for the lack of effectiveness of legislative machinery. Comparative legal analysis of tort regulation in Russian and foreign legislation indicates legal pluralism in determining age, responsibility and other conditions and grounds for bringing a guilty person to legal responsibility, which naturally reduces the quality of preventive activity at a transnational level. **Scientific and practical significance.** A comparative legal analysis of the doctrinal-legal and law enforcement aspects of the implementation of legal responsibility reveals topical issues requiring resolution at the present stage of legal regulation, taking into account the impact of globalization processes on changes in the legal status of subjects of international, interstate and domestic legal relations.

Keywords: legal responsibility, legal policy, legal impact, legal personality, delictual capacity, responsibility.

Legal Deontology in the Legal Culture and the Legal Practice of Lawyers

Slavova Natalya A., Head of the Department of Legal Disciplines of the Russian New University, PhD (Law), slavova.natalja@yandex.ru

Purpose. Ethics as a whole, including deontology, expresses moral beliefs, rules, customs, morals, and, being a philosophical science, studies morality (morality — lat. Temper) as a form of social consciousness from the point of view of the origin of morality, its historical development, theoretical justification of those or its other systems, as well as the place and role of morality in the structure of public consciousness and relations. Thus, a deontological approach to the process of professional training of lawyers is of particular importance, since it is they who are entrusted with a special mission of regulating legal relations between members of society. And this task must be carried out at a high level, which is impossible without the assimilation of ethical standards, the formation of moral qualities. Thus, both legal culture and legal practice must be viewed through the prism of deontological foundations. In this regard, it is necessary to conduct a study and give a definition of legal deontology, its place and role in the development of legal culture, improvement of legal practice, as well as the professional training of a lawyer as a subject of social and legal activity.

Methodology: dialectics, hermeneutics, comparative studies, analysis and synthesis.

Conclusions. One of the important aspects in the formation of the professional culture of lawyers and the legal culture as a whole, the improvement of legal practice is legal deontology, which is designed to: determine the boundaries of the spread of moral standards in official life; to affirm universal values, national traditions and customs, theoretically substantiate their necessity, essence and specificity of their manifestation in practice; reflect the norms of official behavior, if necessary, criticize them, contribute to the appropriate selection of certain rules of relations and principles of professional morality in the implementation of legal practice; improve legal culture..

Scientific and practical significance. The significance of the characteristics of legal deontology as an integrated branch of knowledge about jurisprudence is inextricably linked with the social role of the lawyer in society. In this sense, the legal profession is comparable to the medical one: a lawyer is a “healer of souls” and, moreover, from the point of view of his moral position and adherence to the rule of law, he can be represented as an active participant in the formation of the spiritual health of society. The fulfillment of the social role of a lawyer, his ability to comply with the “social order” of society is predetermined by legal deontology as a complex of certain knowledge, since its content is focused on what should be learned, how to learn and what should be consistent, studying and learning.

Keywords: deontology, law, legal culture, legal practice, professional activities of a lawyer, legal deontology, lawyer, legal activity, ethics.

Prerequisites for the Origination of the Forensic Science in the Ancient World

Kuchin Oleg S., Professor of the Department of Criminalistics of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU), LL.D., Doctor of Science Honoris Causa, Member of the Russian Academy of Natural History (RANH), Associate Professor, Honored Scientist and Engineer of the Russian Academy of Natural History (RANH), kuchin-os@rambler.ru

Purpose. The statement of the problem of criminalistic support of law enforcement practice simultaneously affects both educational and educational aspects. Due to the fact that many problems of legal theory and practice were previously solved exclusively on a formal and dogmatic basis, we have as indicators of the current state of this field the ignorance of law graduates and practitioners of the main value priorities of modern social development, for the sake of which their professional activities are carried out, as well as the inability to identify key issues of society, on the fair solution of which depends its successful dynamics. The purpose of this article is to reveal the Genesis of the science of criminology beginning with prehistoric times and ending with the Ancient States of Europe and Asia. As the accumulation and systematization of certain knowledge about the world around us, in the process of development of human society, research methods changed: some ceased to exist, new ones appeared in their place, which in turn were replaced by even more advanced ones. It is safe to say that this ordinary human activity (by which we mean, in relation to the described periods, the usual curiosity, the desire to learn something secret or explain something incomprehensible) became the progenitor of a whole system aimed at establishing the truth about the criminal act.

Methodology: historical materialism, dialectics, hermeneutics, synergetics, philosophical conceptology.

Conclusions. The study of the Genesis of the emergence of the science of criminology through research is not only a classic, recognized by modern science sources, and the expansion of the historic platform of the research, obtaining new information about the historical background of this science, have a positive impact on shaping the personality of the lawyer-criminalist, the quality of methodological support of public relations in the period of professionalism, the level of educational attainment and effectiveness of the educational process and legal education of those persons, which are designed to resolve these crucial dilemmas.

Scientific and practical significance. Article focuses on the conceptualization of the research activities of scientists-criminalists from the point of view of historical materialism, synthesis and analysis of sources protorenaissance and protoplanetary activities, beginning with the inception of a rational human society, and to the States of the ancient world and how doctrinal legal meaning, which involves the analysis of historical sources protorenaissance activities from the position of many of their measurements, providing the development of understanding of the historical background of the emergence of the science of criminology and its role in modern, legal education and upbringing of a socially justified and humanistically oriented nature of the use of forensic knowledge in law enforcement.

Keywords: criminalistics, crime, practical activity, study of the surrounding world, criminal acts, jurisprudence, primitive people, conflict situations.

Russian Laws on Environmental Emergencies: A Paradigm Change

Zhavoronkova Natalya G., Head of the Department of Environmental and Natural Resource Law of the Kutafin Moscow State Law University, LL.D., Professor, Gavoron49@mail.ru

Agafonov Vyacheslav B., Professor of the Department of Environmental and Natural Resource Law of the Kutafin Moscow State Law University, Professor of the Department of Mining, Land and Environmental Law of the Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), LL.D., Vagafonoff@mail.ru

Purpose. Analysis of state policy and strategy in the field of legal protection of the population and territories from natural, man-made and biological emergencies, research of the practice of Executive authorities of the Russian Federation and subjects of the Russian Federation in the field of implementation of legislation on environmental emergencies in conditions of exponentially increasing environmental, man-made and biological threats and risks, formulation of theoretical conclusions and practical recommendations for improving the current environmental legislation and its application.

Methodology: General scientific methods (dialectical, logical), as well as private scientific methods (technical-legal, comparative-legal) are used as scientific and educational tools and techniques.

The use of General scientific methods allowed us to study the main legal categories in the field of emergency situations, to identify the essence and specifics of the phenomena and processes under consideration in relation to the Russian Federation, to obtain objective information about the current state of the research object and to formulate scientifically based forecasts about the prospects for its development;

The use of interdisciplinary (private) methods allowed us to conduct a comprehensive analysis of the legal regulation of relations in the field of prevention and liquidation of natural and man-made emergencies, to identify structural relationships and interdependencies between the elements of the legal relations under consideration.

Conclusions. Based on the results of the analysis of the current legislation of the Russian Federation on emergency situations, a number of conclusions are formulated, according to which there is currently no unified systematized regulatory framework for identifying, taking into account, defining and classifying all possible signs and conditions for attributing certain risks and threats to an emergency.

In this regard, according to the authors, it is necessary to change the approach to understanding the nature and specifics of an environmental emergency. Environmental emergencies include not only and not so much a "natural" factor, but also a climatic, biological (epidemiological, informational, technological) one together, they should be considered through the prism of risk, threat, potential damage, the state of biodiversity mechanisms and balance in the natural system.

In order to achieve the goals of the priority areas of state policy in the field of ensuring public safety and security of critical and potentially dangerous objects, it is necessary to improve the regulatory framework, use a risk-oriented approach more widely, and ensure the introduction of a methodology for assessing environmental, man-made and biological threats and risks.

Scientific and practical significance. The scientific significance of the article consists in the preparation of comprehensive proposals for improving state policy and strategy in the field of legal protection of the population and territories from natural, man-made and biological emergencies, and improving the effectiveness of environmental legislation in the field of environmental emergencies.

The practical significance of the article is determined by the fact that preliminary conclusions and recommendations can be used in the legislative process when preparing proposals for improving the current legislation, as well as in the educational process when conducting lectures and seminars on the course "Environmental law".

Keywords: environmental legislation, environment, paradigm, national security, public policy, environmental development, emergencies, environmental safety, biological safety, environmental threats, biological risks.

Требования к авторам журнала «Юридическое образование и наука» по оформлению научных статей

Аннотация — от 1300 до 2000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания — не более двух слов).

Автор переводит название статьи и аннотацию на английский язык самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

На английский язык автор также переводит свои фамилию, имя и должность.

Статья

Полностью ФИО автора, указать должность, ученую степень и звание, электронную почту — обязательно.

Не менее 10 страниц через 1,5 интервала (без учета аннотации), не более 20 страниц.

27 000 – 37 000 знаков с аннотацией, не более 20 страниц.

Не менее 3 ссылок, не более 9, исходя из текста статьи в 10 страниц. (Если статья больше 10 страниц, количество ссылок может быть увеличено.)

Ссылки и список литературы — в конце. Только монографии, научные статьи. В ссылках и списке литературы не указывать учебники и газетные публикации.

Важно: оформление постраничных ссылок — см. ниже.

Ссылки и список литературы даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации — только в постраничные сноски.

ВАЖНО. Если статья является продолжением другой статьи автора по той же проблематике, автор обязан указать об этом в самом начале работы с приведением выходных данных об уже опубликованных статьях, в том числе в каких журналах и сборниках они выходили, а также насколько представленная статья является оригинальной по сравнению с предыдущими статьями.

НАПРИМЕР. Статья посвящена проблеме, которую автор изучает на протяжении ряда лет, и по этой проблеме автором опубликованы статьи, которые вышли в следующих журналах.

Библиография

В библиографический список включается только использованная литература в узком смысле этого слова (книги, статьи и т.п.). Нормативные акты или их проекты, а также договоры, судебные решения, стенограммы и иные подобные материалы в библиографический список не включаются. Редакция оставляет за собой право на удаление этих материалов из списка литературы.

Рецензирование

Все статьи подлежат обязательному рецензированию. Устранение замечаний рецензента является личной ответственностью автора. Автор может обратиться к главному редактору с обоснованными доводами о несогласии с отрицательным мнением рецензента.

Вторая отрицательная рецензия автоматически ведет к выводу о невозможности публикации статьи в журнале.

*С пожеланиями творческих успехов и поиска научной истины,
почетный научный редактор журнала «Юридическое образование и наука»
Игорь Михайлович Мацкевич*